

мон ь Раифский Богородицкий монастырь Раифски
ежегодное православное издание

Раифский
ЯЗЫК

2020

По благословению
митрополита
Казанского и Татарстанского
ФЕОФАНА
(Ашуркова)

Раифский АЛЬМАНАХ

**Учредитель
и издатель:**

православная религиозная организация
Епархиальный Раифский
Богородицкий мужской монастырь

Главный редактор:

Ольга РОМАНОВА

Рисунки:

Галина Расческова

Адрес редакции и издателя:

422537, Раифский монастырь,
п. Раифа, Зеленодольский р-он, РТ

E-mail: raifa@raifa.ru

<http://www.raifa.ru>

Тел. +7 906-3257-376

**Издательский отдел
Раифского Богородицкого монастыря,
2020. — 138 с.**

Благо издателя

Каждый номер ежегодного сборника «Раифский Альманах» уникален. Мы можем так утверждать, имея опыт десятилетнего выпуска. Материалы в сборник подбираются удивительным образом — их предлагают сами искусствоведы, историки, краеведы-исследователи и писатели-публицисты. Вот и этот номер — не исключение. За всеми статьями стоит христианское и духовно-нравственное просвещение, знакомство читателей с православными традициями и жизнью Православной Церкви...

На страницах очередного «Раифского Альманаха» — уникальные архивные материалы, касающиеся Раифского Богородицкого мужского монастыря, литературные произведения о жизни давно ушедших от нас людей, их мысли, опыт и знания...

Приятного
и познавательного чтения!

Одобрено Синодальным
информационным отделом
Русской Православной Церкви.
Свидетельство N 167
от 6 октября 2011 г.

О+

наследие

Сходство
между Раифой
под Казанью
и Синайским
монастырем
в Египте,

выраженное
через
повторение
престолов

исследования

экскурсии

архив

публицистика

Радуйся,
печаль нашу
в радость
претворяющая;

Радуйся,
от слез
и скорбей нас
избавляющая;

РАИФСКИЙ МОНАСТЫРЬ

фото Дмитрия Аликина

Райфский Богородицкий монастырь Райфский Богородицкий мужской монастырь

**САКРАЛЬНАЯ
ТОПОГРАФИЯ
РАИФЫ**

стр. 10–31

«

**ПОСТУПЛЕНИЕ
В УЧИЛИЩЕ
И ПРОДОЛЖЕНИЕ
УЧЕНИЕ ШОРЦА (АЛТАЙЦА)
ИВАНА МАТВЕЕВИЧА
ШТЫГАШЕВА**

стр. 32–53

наследие

Наследие Сакральная Топография Раифы

**Мария
Александровна
МАХАНЬКО,**

кандидат искусствоведения,
сотрудник Церковно-научного
центра «Православная
энциклопедия».

Благословенная Раифа

САКРАЛЬНАЯ ТОПОГРАФИЯ христианских поселений, городов, монастырских ансамблей, стран – отдельное направление в современной науке о средневековье.

Оно близко церковной археологии, так как ее понимали еще на рубеже XIX–XX веков, однако отличается тем, что основывается не только на фактах, добытых из земли, но и на сведениях многочисленных письменных источниках и сохранившихся памятниках архитектуры и изобразительного искусства.

Раифа – монастырь известный, как в своем регионе, так и в России и, наверное, во всем православном мире. Известный по своему названию, которое идентично древнему монастырю на берегу Красного моря, на побережье Синайского полуострова, под единым управлением настоятеля (архимандрита) Синайского монастыря, во имя великомученицы Екатерины. Однако как складывалась история этого названия в Среднем Поволжье, восходит ли оно к определенному престолу, празднованию памяти, историческим событиям и обстоятельствам, какие выражения нашло в памятниках и какого времени?

Первые престолы и храмы для них появились на берегу лесного Сумского (Раифского) озера, в том месте, где теперь монастырь, гораздо позже, чем сюда пришли «начальники» пустынножительства в этом месте: в 1613 году – иеромонах Филарет, насельник казанского Спасо-Преображенского монастыря, монах Сергей, принявший постриг в Седмиезерной пустыни и присоединившийся к Филарету. Филарет вернулся в Казань и в 1659 году скончался в Преображенском монастыре. В это время в Пустыне, еще не имевшей точного имени, будущей Раифе, оставались братия; из их числа трое, во главе с иноком Фаддеем, он был «старший из братии», прибыли в 1661 году к митрополиту Казанскому и Свияжскому Лаврентию (в схиме Левкию)...

В 1662 году митрополит Лаврентий посетил обитель, поставил игуменом иеромонаха Савватия, пожертвовал средства на церковное строительство. В лесной пустыни были сооружены первые церкви, еще

деревянные. Это был храм во имя святителя Евфимия, архиепископа Новгородского, он же — святитель Евфимий II Вяжицкий (1429—1458), известного по наименованию монастыря, откуда он был поставлен в Новгород архиепископом в 1429 году. Возможно, в выборе этого святого как покровителя первого престола для пустынного монастыря в марийских лесах, сыграли роль обстоятельства жизни казанского владыки Лаврентия. По принятой версии, он был выходцем из новгородского Вяжицкого монастыря. Возможно, выбор святителя Евфимия как покровителя лесной пустыни был обусловлен сходством его монашеского пути с подвигом иноков в казанских лесных пределах спустя двести лет после него: юноша Иоанн, как звали в миру будущего святителя Евфимия, начинал свое монашеское восхождение с лесной Пустыни в месте Вяжище. Отметим особо, что это был, возможно, самый первый во всей России престол во имя новгородского святителя, прославленного общерусским почитанием на церковном Соборе в 1549 году. На месте основанного им монастыря на Вяжище придел с престолом в честь святого был обустроен над его захоронением в подцерковье (крипте, подземном этаже) монастырского Никольского собора и освящен в 1691 году. (Секретарь Л. А. Вяжицкий во имя свт. Николая Чудотворца монастырь // ПЭ. Т. 10, С. 135—137).

Выбор подобного святого представляется абсолютно неслучайным. Поныне престолов в честь архиепископа Евфимия (Вяжицкого) Новгородского во всей нашей стране лишь два — в самом Вяжицком монастыре, у гроба основателя обители, и в церкви 1997 года на кладбище в новгородском поселке Ковалево, где святитель Евфимий «делит» престол с другим святителем Геннадием, архиепископом Новгородским, в церкви, посвященной памяти всех воинов, погибших за отечество. Связь митрополита Казанского Лаврентия с новгородской землей подтверждают и его богатые дары в монастырь святителя Евфимия Вяжицкого, которого почитал при жизни. В этом монастыре он принял

постриг, а память решил увековечить посвящением престола в лесной Пустыни в Казанской епархии. Эти вклады, созданные на средства владыки в Новгороде, указывают, что он принимал постриг в Вяжицком монастыре, всегда помнил и ощущал покровительство святого; косвенно они свидетельствуют, что предположения о пострижении владыки Лаврентия в каком-то другом монастыре (на Важе, как считает историк Е. В. Липаков) безосновательны (см. ст.: Лаврентий // ПЭ. Т. 39, С. 606—608).

Даров владыки Лаврентия одному из своих покровителей сохранилось немало, если учесть разорительный характер событий XX века. В Новгородском музее-заповеднике (НГОМЗ) хранится заказанная в 1654 году владыкой единственная житийная икона-складень с образом святителя Евфимия в среднике, в драгоценном окладе, на нижнем поле сохранилась вкладная надпись с именем владыки еще в статусе епископа Тверского и Кашинского (Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XVI—XVII веков / Ред.-сост. И. А. Стерлигова. М.: Северный паломник, 2008. Кат. 373). О личном характере этого вклада свидетельствуют не только надписи, но и включение в состав изображений на резных дробницах, украшающих поля средника, полуфигурных «портретов» святых Льва, папы Римского, и архидиакона Лаврентия, вероятнее всего, святых покровителей владыки в миру и в монашестве. Учитывая, что известно имя владыки, принятое при пострижении в схиму перед смертью — Левкий — перед нами редкий случай подтвержденных имен русского архиерея с его небесными покровителями на всем протяжении его жизни. Кроме того, в надписи на иконе сообщается точная стоимость украшений, то, что они были выполнены на личные средства владыки Лаврентия («собинною казною келейною»), а монастырь назван «Дом великих чудотворцов Николы и Евфимия на Вяжища». Помимо этой иконы-складня сохранились от даров владыки монастырю столь же богатые и

дорогие предметы церковной утвари, заказанные на его средства «келейною казною» и в память о себе и о родителях — серебряные водосвятная чаша и блюдо 1659 года, а также три настольных подсвечника к этому же набору для водоосвящения (Там же. Кат. 124, 125, 497 — 499). Все предметы несут на себе пышные вкладные надписи с титулом правящего государя, самого владыки, целью вклада, датами и ценой.

Вместе с церковью во имя святителя Евфимия Новгородского, главной в Раифской пустыни, в 1662 году были возведены две надвратные церкви: в честь Происхождения Древ Животворящего Креста Господня и во имя преподобномучеников, в Синае и Раифе избивенных. Эти посвящения также не являются произвольными и несут в себе напоминание о важных для создателей монастырского комплекса замыслах.

Праздник Происхождения Древ Животворящего Креста Господня к XVII веку в православном календаре закрепился как день, когда богослужение дополнялось чином «малого освящения воды». На основе текстов, посвященных празднику, а также сочинения «О церемониях византийского двора» (*De serimoniis aulae byzantinae*), написанного при императоре Константине VII Багрянородном (X век), можно сделать вывод, что праздник был установлен ради предотвращения болезней и освящения Константинополя — очевидно, практика погружать Животворящее Древо в воду и тем сообщать ей целебные свойства могла быть связана с недостаточным количеством и низким качеством воды, поступавшей в жаркие летние месяцы (*Const. Porphyg. De serem. II 8*). Согласно сочинению «О церемониях византийского двора», при совершении празднества Происхождения Честных Древ торжественная процессия выносила Животворящий Крест Господень из императорского дворца и следовала с ним по всему городу, чтобы освятить дома, улицы и крепостные стены, а затем через несколько дней возвращалась обратно. Праздник и назывался по-разному: «поклонение Честному Древу», «погружение

Честных и Святых Древ». Вероятно, такое различие отражает несколько аспектов одного праздника: первое название указывает на поклонение верующих Кресту во время многодневной процессии по Константинополю; второе — на освящение воды, которое совершалось во время праздника. Известно, что подобное освящение воды происходило в дворцовой церкви 1-го числа каждого месяца, кроме сентября и января (когда воду освящали 14-го и 6-го числа соответственно). После «исчезновения» Креста Господня процессии по городу устраивать прекратили. Однако в монастырях и церквях, где хранились частицы святости, обычай совершать торжественное шествие, вероятно, сохранялся. Вначале празднование Происхождения Честных Древ носило местный характер, но с распространением Иерусалимского устава празднование стало общецерковным. На Руси оно закрепилось в конце XIV—начале XV веков. Как считают историки-литургисты, в русских редакциях Иерусалимского устава с начала XV века, так называемом «Оке церковном», в первопечатных Типиконах последование соответствует помещенным в современные русские книги. Также в этих источниках указаны чин поклонения Кресту и чин водоосвящения.

В современных русских книгах после службы Происхождения Честных Древ находится также чин освящения воды (малого освящения). Считается, что на формирование в XI—XII веков чина малого освящения воды значительное влияние оказала традиция освящения воды в Константинополе на Происхождение Честных Древ. В ранних рукописях Евхология содержит указание на эту связь (например, в Евхологии XIII века чин малого освящения воды назван «последование освящения, как в месяце августе», см.: Дмитриевский. Описание. Т. 2. С. 165). Наиболее ранние сохранившиеся иконы с композицией Происхождения Честных Древ Креста — это храмовые иконы церквей с престолом, посвященным празднику 1 августа, которые датируются началом—первой четвертью XVI века. Но известны престолы в честь праздника 1 августа и более раннего периода, например, в соборе

Димитриева Прилуцкого монастыря близ Вологды, который был возведен в дереве, вероятно, между 1378 и 1382 годами, а в 1537–1542 годах был возведен в камне. Очевидно, в подражание монастырю преподобного. Димитрия Прилуцкого то же посвящение имел Спасский храм на Нурме в монастыре преподобного Сергия Нуромского. Вероятно, в связи с проведением 1 августа чина малого освящения вод в России появились настенные иконы, выполненные в технике фрески: до начала XX века подобная композиция существовала над водяными воротами новгородского Детинца, которые располагались в юго-восточной части крепостных стен, обращенных к берегу Волхова. На тех иконах, которые сохранились, изображается кладезь, иногда с потоками воды, в которых стремятся болящие и молящиеся, под стенами Константинополя (Н. Н. Крашенинникова, А. Н. Крюкова, М. А. Маханько. Происхождение Честных Древ Креста Господня // ПЭ. Т. 58.) Вероятно, что выбор такого посвящения для церкви над воротами Раифского монастыря, выходящими на берег лесного озера, также был связан с чином освящения и с присутствием монастырской общины и богослужения.

Посвящение престола церкви на главных входных вратах в Раифскую обитель во имя Преподобных отцов-мучеников, в Синае и Раифе избитых, очевидно, было призвано напомнить в первую очередь самим инокам о трудностях иноческой жизни, о судьбе иноков, окруженных врагами христианства, о временности земной жизни. Нам неизвестны более точные причины. Возможно, они были связаны с личными обстоятельствами жизни владыки Лаврентия, но не будь их, должно было хватить этого напоминания о скорбной участи прежних монахов в давней местности и прошедшем времени. Уже в IV веке была написана повесть об избитии преподобных отцов на Синае и в Раифе иноком Аммонием, подвизавшимся в Канопе, в дельте Нила, в окраинах Александрии Египетской. Совместное посвящение напоминало о союзе, братском положении двух монастырей. Промыслом Божиим постоянно окруженных иноверцами, как

правило жестокими — Синая, который имел крепость, построенную императором Юстинианом Великим в середине VI века, и Раифы, которая таковой не имела. Связи монастырей были не только географические или экономические. К игумену Иоанну из Раифы были обращены послания преподобного. Иоанна Лествичника, раифский игумен комментировал сочинение синайского игумена, а иноком из Раифы Даниилом было написано житие игумена-«писателя лествицы». В дорогих лицевых рукописях могли вместе изображать обоих игуменов Иоаннов, Синайского и Раифского, как в рукописи из Парижской национальной б-ки (Paris. Coislin. 263, 1059 г.) на 4 полностраничных миниатюрах: по 2 восходящим к небесному сегменту лестницам взбираются иноки (Fol. 8r, 9v); прп. Иоанн Лествичник обменивается посланиями с преподобным Иоанном Раифским (Fol. 8v, 9r). В рукописи из библиотеки Принстонского университета (Princeton. Garrett. 16, 1081 г. Л. 194v) — оба Иоанна, а так же и в афонской рукописи из монастыря Ставроникита (Ath. Stauronik. 50, XIV в. Fol. 217). Миниатюры с изображением преподобного Иоанна Синайского и преподобного Иоанна Раифского присутствуют также в рукописях: Vat. Ross. 251. Fol. 1r, 2v. XI — нач. XII в.; Paris. Suppl. gr. 1279. Fol. 8v–9r, посл. четв. XVII в. (см. ст.: Иоанн Лествичник // ПЭ. Т. 24, С. 404–431; Иоанн, игум. Раифского мон-ря (память в субботу сырную и в среду Светлой седмицы в Соборе Синайских святых. Т. 24, С. 585).

В XII веке для Синая (или в нем самом) были созданы две крупные иконы с образами Преподобных отцов в Синае и Раифе избитых (Сотириу Г. и М. Иконы Синая (на греческом и франц. языках). Афины, 1956. Т. 1 (иллюстрации); 1958. Т. 2 (тексты). Ил. 153–154 — только с отцами Синая, в верхней части — образ Христа на престоле (Христа Халкитиса?); в то время как на иконе отцов Раифы в верхней части — образ Богородицы Влахернитиссы с ангелами).

В искусстве Московской Руси позднего средневековья тоже нашли отголоски древние связи Синая и Раифы.

«Обитель в Раифе, именуемая «Темницею», и в ней подвиги кающихся иноков, в нем же (в слове четвертом) и о темницы богоугодней святых осужденник» — такая иллюстрация к Лествице преподобного Иоанна Лествичника есть в клейме в нижней части двери жертвенника из церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы Кириллова Белозерского монастыря. Ее расписал местный мастер, иеромонах Трифон. Клеймо с этой композицией исследователи называют также «Пещеры кающихся в Раифском монастыре», обращаясь к тексту Лествицы: **«БЫС ИГУМЕНОМ В РАИФЕ МОНАСТЫРЕ ИМЕЖ ЧИСАО БРАТИ СИЛ И ОСОБНА О СЛОВ ЧЕТВЕРТЛ-ГО О ПОСЛУШАНИИ И ОПЕ ОПЕЧЕНЕМ И ИСТИННЕМ ЖЕ И О ТЕМНИЦЫ БГОУГОДЕ СШЯ ОСУ...»**, под этими сюжетами некогда находилась несохранившаяся ныне надпись с криптограммой с именем мастера — архимандрит Варлаам (Денисов), Топоним Раифский входит в современную титулатуру настоятеля Синайского монастыря (Синайский, Раифский и Фаранский). Именно появление в 1662 году престола в честь Преподобных отцов, избивенных в Синае и Раифе, дает лесному Раифскому монастырю близ Казани повод к тому, что удержать это название в будущем.

Внимание владыки Лаврентия не закончилось строительством Пустыни. В 1661 году, по благословению владыки, один из лучших казанских иконописцев был послан в Красногорский монастырь на р. Пинегу в Архангельской земле для написания списка с чудотворного Грузинского образа Божией Матери. Вероятно, в 1670 году для нее в монастыре был построен деревянный собор в честь Грузинской иконы Божией Матери. Эта икона была прославлена не только чудесами на месте своего пребывания в монастыре. От нее было исцеление в Москве в 1654 году от чумы. Такая помощь была важнейшей для любого средневекового города, и в Казани уже был опыт исцеления от морового поветрия в том же 1654 году. Избавление от мора приписывалось чуду от Смоленской иконы Божией

Икона Божией Матери «Грузинская»

Матери, принесенной в Казань из Седмиезерной пустыни, для встречи которой горожане вышли за пределы городского округа. На этом месте позднее был основан монастырь в честь Кизических мучеников. Интерес митрополита Лаврентия к Грузинской иконе был в русле общего интереса Русской Церкви и государства к восточным святыням Православия. Икона из Красногорского монастыря, согласно Сказанию, в 1622 году она была вывезена из Грузии в Персию. Там ее в 1625 году выкупил приказчик ярославского купца Лыткина, которому было чудесное откровение об этой иконе и что он должен передать ее в Красногорский монастырь, что и было им сделано. Важно, что в тот же 1625 год в Россию отправляется часть Ризы Господней,

после похода шаха Аббаса оказавшаяся в Персии и подаренная русскому царю Михаилу Феодоровичу. Через Казань пролегал волжский путь в Персию, он был привычным и в петровское время. Здесь уместно вспомнить Иверский монастырь, основанный патриархом Никоном в 1652 году на озере Валдай в честь афонской святыни, иконы «Вратарница» (греч. «Портаитисса») из монастыря, основанного выходцами из Грузии, и оставшегося до наших дней центром грузинской духовной культуры на Афоне. «Иверская» — с греческого — это тоже «Грузинская». Почитая Грузинскую икону Божией Матери и создавая церкви с престолами во имя Преподобных отцов Синая и Раифы, владыка Лаврентий следовал примеру московского царя и патриарха в деле собирания православных святынь на русской земле.

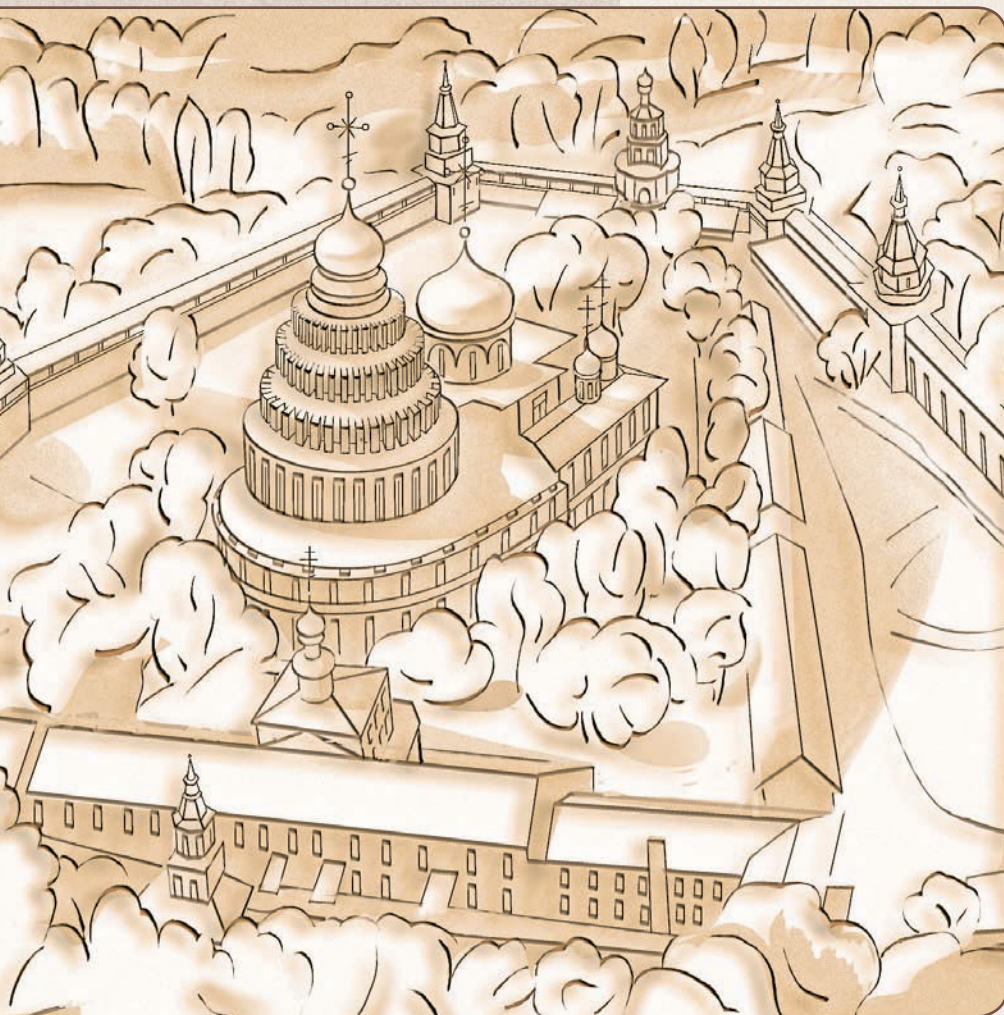
В 1689 году все здания Раифского монастыря сгорели, большая часть братии перешла в другие обители. Лесная Раифская Пустынь могла сгинуть навсегда или возродиться в другом месте. Однако промысел Божией привел делателей, способных не только поднять монастырские стены, башни и храмы, но и упрочить имя как новой, северной, Раифы.

Восстановление Раифской обители началось по инициативе и на личные средства митрополита Казанского и Свияжского Адриана (с 1690 года — патриарха Московского и всея Руси). Для этого в 1690 году он пригласил на должность настоятеля Раифского монастыря уроженца Казани, иеромонаха Германа из Новоиерусалимского в честь Воскресения Христова монастыря. Трудami игумена Германа при поддержке Казанского митрополита Маркелла (собственной казной и пожертвованиями благотворителей) были построены каменные храмы: в честь Грузинской иконы Божией Матери, церкви во имя преподобномучеников, в Синае и Раифе избиенных, надвратная во имя святителя Николая Чудотворца, ограда и три двухэтажных корпуса: для настоятеля, для братских келий и для трапезы. Все работы велись под руководством мастера иеромонаха

Гермогена, также прибывшего из Новоиерусалимской обители. Таким образом, возрождением Раифы, а точнее, ее новым устройством, новым архитектурным «телом», занимались два инока Новоиерусалимского монастыря, основанного для того, чтобы хранить копию храма в честь Воскресения Христова и Гроба Господня. Неудивительно, что ансамбль Раифского монастыря считается своеобразным повторением Воскресенского Новоиерусалимского монастыря на казанской земле — не повторяя набор престолов или форму архитектурных сооружений, он повторяет образ монастыря как совокупность башен, надвратных, похожих на башни церквей и собора, и все это в камне, стремящееся в небо соединение вертикалей.

Однако главное свойство возрожденной Раифской обители, ее облик города-крепости, в сочетании с посвящениями ее престолов должны указывать на другое главное качество — повторение в ней таких посвящений, которые указывали бы на духовную связь с центрами православного Востока. Как на Истре патриарх Никон устраивает Новый Иерусалим с копией храма Гроба Господня, а на озере Валдай — Иверский, повторение афонского Иверона, так и в лесном монастыре близ Казани через особую череду посвящений казанские митрополиты и патриарх Московский должны были воспроизвести древний духовный центр православия и монашества — Синай и Раифу.

Особо благоволил Раифскому монастырю митрополит Казанский и Свияжский Тихон (Воинов), в декабре 1722 году завещавший погresti здесь свои останки (однако в 1724 году он был похоронен в Благовещенском соборе Казанского кремля: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб., 1880. Т. 4: 1724 год. № 170. Стб. 173). Именно он закончил сооружение некоторых каменных храмов, снабдил их богатой ризницей, передал монастырской библиотеке полный комплект Минеи (1705; ныне в библиотеке Казанского федерального университета), построил отдельный дом для своих

**Новоиерусалимский Воскресенский
монастырь**

**Раифский Богородицкий мужской
монастырь**

частых приездов, в 1720 году украсил Грузинскую икону серебряным окладом и венцами с драгоценными камнями. Согласно духовному завещанию митрополита, половина средств, которые следовало получить после продажи оставшихся сверх его завещания вещей, предназначалась «в Раифскую обитель на строение» монастыря, однако по определению Синода, его личная казна (облачения, теплая одежда, посуда и церковные книги) были оценены и отосланы в Московскую Синодальную канцелярию (Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб., 1880. Т. 4: 1724 год. № 170. Стб. 175). Именно так, Раифская обитель, упоминается монастырь в синодальном деле 1725 года.

По ведомости о монастырях Казанской епархии, представленной в Синод в 1739 году, в обители было 12 храмов с 15 приделами (Там же. 1913. Т. 21: 1741 г. Стб. 797 – 798). В каменном холодном соборе было два престола — во имя Святой Троицы и в честь Грузинской иконы Божией Матери. При Раифско-Синайской (Преподобных отцов) церкви «в трапезе» имелся придел святителя Евфимия, архиепископа Новгородского, а «вверху» — маленькая церковь во имя севастианских Пяточисленных мучеников Евстратия, Авксентия, Евгения, Мардария и Ореста. «Да вокруг монастыря на каменной ограде» имелись церкви святителя Николая Чудотворца (на восточных св. воротах), иконы Божией Матери «Неопалимая Купина», святителя Тихона, епископа Амафунтского (домовая), апостола Иакова, церковь «во имя Страшного Суда», святителей Гурия, Варсонофия и Германа Казанских, в честь Зачатия св. Иоанна Предтечи (а «при ней же во имя Ярославских чудотворцев»), «над ними вверху во имя Алексия, человека Божия; во имя св. мученицы Екатерины».

Это число престолов, их связь с теми или иными событиями и лицами, характеризуют эпоху, когда Раифа обретает свое значение и помогают его уточнить. Среди 15 престолов много тех, которые были посвящены

определенным святым, явным небесным покровителям определенных исторических лиц. Это обдуманная программа, содержащая акценты, символические смыслы, мемориального прежде всего характера, которые подчеркивались и выбором среди сонма святых и священных событий, и стилем сооружений. Вряд ли такое большое количество престолов было связано с практическими нуждами лесной Пустыни. В современной, возрожденной с 1990-х годов Раифе, — только пять церковных престолов.

Главные престола Раифы на 1739 год в соборном храме, — это престола во имя Святой Троицы и Грузинской иконы. Эти посвящения отражают уже не столько память о личном вкладе владыки Лаврентия, сколько выход на новый, более высокий богословский и исторический уровень через учреждение престолов: в честь праздника и основы христианской догматики — Триипостасного Божества и в честь собственной святости Раифской пустыни, чудотворной Грузинской иконы. При этом престол во имя Преподобных отец Синая и Раифы из надвратной церкви переносится в самостоятельное здание, рядом с трапезной. Кроме того, в том же здании, что и престол во имя Преподобных отец (Раифско-Синайской церкви), появляется новый — во имя Пяточисленных мучеников, — и сохраняется старый: во имя святителя Евфимия Вяжицкого, архиепископа Новгородского. Подобно афонским монастырям, Раифа получает кафоликон (с двумя престолами) и церковь при каменной трапезной, места для совместной трапезы, согласно общежительному уставу.

Остальные десять престолов, согласно сведениям 1739 года, должны были распределяться между другими каменными строениями обители — келейными корпусами и надвратными церквами. Многоярусные церкви, возводимые над проездными воротами, составляли дополнительные вертикали наряду с шатровыми завершениями угловых башен и являлись с середины XVII века приметой монастырского зодчества

в Московской Руси, получавшего вид крепости. Этим качеством ограда Раифского монастыря, со стенами, воротами, башнями и надвратными церквями (1690—1717) была более всего похожа на Новоиерусалимский Воскресенский монастырь.

Но где могли располагаться все эти престолы? Какие сооружения могли вместить эту дюжину святых посвящений? К числу сооружений, посвящение которых ныне неизвестно, относится надвратная церковь на южной стене вдоль берега озера. То, что над проездными воротами, обращенными к берегу Раифского озера, в процессе восстановления обители после пожара 1689 года была устроена церковь, очевидно из описаний XIX века, из изобразительных источников, лито- и фотографий рубежа XVIII—XX веков. В надвратном ярусе здание имело форму квадрифолия в стиле барокко конца XVII века, более всего напоминая планом и объемной композицией надвратную Преображенскую церковь в ограде того же Воскресенского Новоиерусалимского монастыря (освящена в 1697 году).

Можно только предполагать, каким было посвящение церкви над южными воротами: в списке престолов 1739 года (см. выше), здесь могли находиться только три — во имя иконы Божией Матери «Неопалимая Купина», во имя святителя Тихона Амафунтского и святителя Иакова, брата Господня.

Стены и надвратные церкви были возведены после пожара. В память о видении Матери Божией в образе «Неопалимой купины» пророку Моисею на горе Синай, в окрестностях которого находится древнейшая Раифа, могло быть избрано посвящение во имя этой иконы. Наличие престола во имя святого, покровителя правящего архиерея, служило памятью о его роли как ктитора восстановительных работ в монастыре после 1689 года и после его приезда в Казань в 1700 году. Доказательством служит факт, что в честь святителя Тихона Амафунтского была освящена в 1706 году другая надвратная церковь — в бывшем Воскресенском

мужском монастыре в окрестностях Казани, известном под именем «Новый Иерусалим» или Архиерейская дача (ныне в Приволжском р-не г. Казани, сохранилась частично, в 1905 г. с престолом, переосвященным во имя свт. Тихона Задонского; Рошкетаяев А. В. Новый Иерусалим и Раифа // Раифский альманах. Раифа, 2013. Вып. 3. С. 130).

Церковное значение имело и двухъярусное сооружение в составе южного братского корпуса Раифы, уже не имевшее, судя по фотографии 1912 года, шатрового завершения (Филарет (Златоустов) иг. Раифский Богородицкий мон-рь: Путеводитель. Раифа, 2005. С. 7), уже к 1845 году приспособленное под кельи (Баженов. 1845. С. 14).

С Синаем, оказывается, связано и посвящение престола Пяточисленным севастианским мученикам, Евстратию, Авксентию, Евгению, Мардарию и Оресту «вверху» церкви Преподобных отцов. Как пишет в разделе об иконографии этих святых современный исследователь Ю. В. Бродовая (Устинова): «Местом особого почитания святых был монастырь в мц. Екатерины на Синае, в стенах которого существовал посвященный им храм. Оттуда происходит темплон XIII века, на котором вместо двенадцатых праздников представлены 11 сцен посмертных чудес Евстратия. Памятник представляет собой уникальное свидетельство существования в начале XIII века утраченного ныне текста. Возможно, для этого храма была написана икона мучеников с поясным Деисусом в верхней части (начала XIII века). На ней святые изображены стоящими в ряд. Данный памятник послужил образцом для сербской иконы мучеников (рубеж XIV и XV вв., монастырь Хиландар, Афон) (ПЭ. Т. 17, С. 333-336)». Современный храм в честь этих святых существует буквально в стенах монастыря: это небольшой прямоугольной формы наос, в перекрытии которого были использованы деревянные балки от более ранних построек монастыря. Как мог появиться этот престол в Раифе помимо повторения синайской топографии? Престолы в честь Пяточисленных

мучеников столь же редки, как и в честь новгородского святителя Евфимия Вяжицкого, ныне они есть на территории нашей страны лишь в тех храмах, где они были устроены в память о ктиторе монастыря или храма: в псковском Крыпецком монастыре середины XVI века такой престол появился по воле митрополита Псковского, святителя Евгения (Болховитинова) как память о его патрональном святом, мученике Евгении Севастийском. Вероятнее всего, такой престол был уже в XVII веке в монастыре и о нем было известно в России.

Северная стена и престолы, которые могли быть устроены в ней (а также рядом с ней или в надвратных ее церквах) — это Страшный суд (Второго пришествия Господня; позднее Софийская), святителей Гурия, Варсонофия и Германа Казанских, в честь Зачатия св. Иоанна Предтечи (а «при ней же во имя Ярославских чудотворцев»), св. Алексия, человека Божьего и вмц. Екатерины. Два престола связаны с Казанью — Трех казанских святителей и чудотворцев и Ярославских чудотворцев. Напомним, что к прославлению одного из первых чудотворцев Казанских был причастен и владыка Лаврентий: «Житие и служба свт. Герману с чудесами и надгробным словом были написаны монахом Иоанном между 1657 и 1672 годами по благословению и со слов Казанского митрополита Лаврентия на основе Житий сщмч. Филиппа и свт. Гурия. В службе (5-я песнь канона) содержатся свидетельства митрополита Лаврентия об исцелении его по молитвам к Герману. В 1696 году Казанский митрополит Маркелл по благословению патриарха Адриана свидетельствовал мощи Германа, которые были перемещены в новую липовую, обложенную серебром гробницу, при этом по просьбе симбирских граждан и духовенства отделена была для Симбирска частица. 23 июня 1714 года по благословению Казанского митрополита Тихона (Воинова) мощи Германа были перенесены из алтаря на середину храма, где они открыто почивали до 1918 года. В память об этом перенесении тогда же был установлен праздник 23 июня, составлена служба»

(Герман, свт. // ПЭ. Т. 11, С. 209—213). Как видим, все владыки, строившие и благодетельствовавшие Раифе, почитали и святителя Германа. При владыке Маркелле в 1694 году в Казани случился столь страшный пожар, что пострадали кремлевские постройки, сгорел Преображенский собор Спасского монастыря, были повреждены мощи святителя Варсонофия.

Престол в честь Ярославских князей-чудотворцев — один из старейших в Казани. Очевидно, он существовал еще в 60-е годы XVI века, такой престол был в Забулачье, на городском посаде, возможно, там, где селились купцы и переселенцы из Ярославля. В мае 1749 года «церковь ярославских чудотворцев, за Булаком» сгорела (архиепископ Платон (Любарский). 1868. С. 101), очевидно, в это время престол был перенесен на Арское поле и известен теперь как главный престол церкви самого старого и знаменитого казанского некрополя.

Посвящение Второму пришествию Господню (Страшному суду) — также редкий сам по себе выбор, который указывает на поминальную практику. Известные ныне престолы с таким посвящением — в бывших или действующих кладбищенских храмах, как правило, это посвящение приделов (кафедральный собор Тулы, некогда посадское кладбище; старое кладбище Самары). Возможно, предполагалось погребение иноков рядом с этим храмом.

Еще два престола указывают также на патрональное обращение к святым — Екатерина и Алексей. Великомученица Екатерина Александрийская вновь соединяет престол Раифы с Синаем — ее имени посвящен Синайский монастырь. Важно, что во времена патриарха Адриана и митрополита Тихона состоялись важнейшие контакты Московского царства с Синаем, когда помимо богатых даров в Синайский монастырь была отправлена серебряная позолоченная рака великомученицы Екатерины, устроенная по царскому заказу в Серебряной палате в 1687—1688 гг. (Игошев В. В. Рака для мощей великомученицы Екатерины //

Русские иконы Синая / Колл. авторов. М., 2014. Раздел: Декоративно-прикладное искусство. Кат. 3. С. 408—413). Возможно, память синайской святой связана с покровительством царевны Екатерины Алексеевны, одной из дочерей царя Алексея Михайловича и тетки правящих братьев-государей, Иоанна и Петра Алексеевичей. Алексей, человек Божией — патрон царя Алексия Михайловича, образец смирения и послушания.

Таким образом, мы получаем картину близкого сходства между Раифой под Казанью и Синайским монастырем в Египте, выраженную через повторение престолов, прием, любимый в позднем средневековье, в том числе в царской Москве и опробованный патриархом Никоном. Мы не имеем точных данных в виде проекта или письменного распоряжения, который бы подтвердил наши изыскания. Только сами посвящения престолов в сравнении с престолами древнего Синайского монастыря, с небесными патронами Казани и казанских архиереев, поддерживают нашу убежденность. Есть также и косвенные данные. В 2020 году в экспозиции Музея им. Андрея Рублева в Москве экспонировалась лицевая рукопись Хождения Трифона Коробейникова (Послание московских купцов и хождение их во Царьград и в Антиохию, и во Иерусалим, и в Синайскую гору), сочинения конца XVI века, переписанного в третьей четверти XVII века. (ныне в частном собрании А. В. Острецова; составителями выставочного каталога датирована концом XVII в.). Согласно одной из записей эта рукопись принадлежала митрополиту Тихону (Воинову) и по его завещанию после кончины была передана нижегородской Благовещенской церкви, в приходе которой владыка родился: «По д(у)ховно^и [...] /о^дать / в Ни^жне^и / Новъ/[гор]о^д / в Бл(а)говъщенско^и / м(о)н(а)^ст(ы)рь / смиренный / Тѣхонъ / м(и)л(о)^стїю / Б(о)жїю / митрополїть / Казанскїй / ј Свїа^жскїй / подписа^х / в вѣчное / помяновенїе / по себѣ / и по родителехъ / своихъ / при[...] / Георгїи / Zubинѣ / з братїю / аψї^{г(ода)} ма^рта въ е^{де(нь)}». В Хождении подробно рассказывается о Синае, его церквах и святынях, его облик подобен городу.

Упоминается, что на его территории — двадцать церквей. На двух листах в этой рукописи написаны пейзажи Раифы на Синайском полуострове: на л. 150 — как русские паломники поклоняются мощам мученицы Марины в Успенской церкви Раифы на берегу Красного моря (на той же миниатюре — индийские вола, которых видели путешественники в гавани); на л. 151 — вид разрушенного турками монастыря Иоанна Раифского, рядом с местом, где пророк Моисей насадил семьдесят финиковых деревьев и извел из горы двенадцать горячих источников (по числу колен Израиля). На обеих иллюстрациях название монастыря подписано — **Раифа**. Возможно, знакомство с этой рукописью и память о русских паломниках дали владыке Тихону особые силы к обустройству северной Раифы.

Древняя Раифа — теперь городок Эль-Тор

956
384

ПОСТУПЛЕНИЕ ВЪ УЧИЛИЩЕ
И
ПРОДОЛЖЕНИЕ УЧЕНИЯ
ШОРЦА (АЛТАЙЦА)

Ивана Матвѣева Штыгашева.

ИЗДАНИЕ

Дѣйствительнаго Члена Общества Любителей духовнаго просвѣщенія,
Попечителя Миссіонеровъ Покровскаго Миссіонерскаго Монастыря,
Иеромонаха ЮИЛЯ.

КАЗАНЬ.
Типографія В. М. Ключникова, Бол. Проломвая ул. соб. домъ.
1885.

Обложка
сборника

ПОСТУПЛЕНИЕ В УЧИЛИЩЕ И ПРОДОЛЖЕНИЕ УЧЕНИЯ шорца (алтайца) Ивана Матвеевича Штыгашева», которое вышло в Казани в 1885 году, является первым литературным произведением шорского народа. Он также написал «Записки о путешествии в Киев, Москву и ее окрестности», где он описывает о своем путешествии по святым местам православной церкви. С его участием был подготовлен к изданию «Шорский букварь для инородцев восточной половины Кузнецкого округа» (1885) и «Словарь алтайского и аладагского наречий шорского языка» В. И. Вербицкого. И. М. Штыгашев написал много сочинений на религиозную тему, которые были опубликованы в религиозных журналах.

МИССИОНЕР,
ПЕРЕВОДЧИК.
УЧИТЕЛЬ,
СВЯЩЕННИК...

**Иван Матвеевич
Штыгашев,
1861–1915**

ИВАН МАТВЕЕВИЧ ШТЫГАШЕВ Иван (Иоанн) Матвеевич Штыгашев (1861, Матур, Кузнецкий округ, Томская губерния, Российская империя — 13 ноября 1915 года, Матур, Минусинский округ, Енисейская губерния, Российская империя) — первый шорский писатель, миссионер, переводчик, учитель, священник.

Родился в семье матурского шорца Матвея Штыгашева, первым отправившего своих сыновей обучаться грамоте. В 1877 году стал учиться в церковно-приходской школе в селе Кузедеево Кузнецкого округа. Там преподавал известный лингвист, тюрколог, протоиерей Василий Иванович Вербицкий, оказавший большое влияние на формирование мировоззрения Штыгашева, изучение им южно-сибирских языков: алтайского, хакасского, шорского. После окончания поступил в Улалинское* центральное миссионерское училище, затем в Казанскую инородческую учительскую семинарию.

В 1884 году появляются «Записки алтайца о его путешествии в Киев, Москву и её окрестности» — первое литературное произведение шорского народа. В 1885 году в Казани вышла его книга «Поступление в училище и продолжение учения шорца (алтайца) Ивана Матвеевича Штыгашева». В том же году он принял участие в издании «Шорского букваря для инородцев восточной половины Кузнецкого округа» и «Словаря алтайского и аладагского наречий шорского языка». Видный миссионер, тюрколог Николай Иванович Ильминцкий привлёк его к переводческой деятельности. Результатом впоследствии стала «Священная история на шорском наречии...».

В 1889 году его рукополагают в диаконы и направляют в Кондомский стан Алтайской духовной миссии, через год он стал священником Кондомской Богоявленской церкви. Открыл несколько школ, где обучение велось на шорском языке, изучались русский и церковно-славянский языки. В 1899 году был награждён орденом Святой Анны третьей степени. В 1902 году его наградили скуфьею, в 1904 году получил благословение Святейшего Синода с вручением ставленой грамоты.

Вернувшись в Матур в 1905 году стал учителем миссионерской школы, где обучал детей грамоте, арифметике, «Закону Божьему» на русском и шорском языках. Занимался строительством новой церкви, которая была освящена 24 июня 1913 года. Для сегодняшнего поколения он является образцом укрепления межнациональных связей между шорцами, хакасами и алтайцами, формирования у них духовных ценностей.

В Республике Хакасия 2016 год был объявлен Годом Штыгашева.

Летние каникулы в 1883 году

отрывок

для удобства чтения
дореволюционная
орфография изменена
на современную

КАК ТОЛЬКО распустили нас 12 мая, так все воспитанники, выслушав объявление о переводе из класса в класс, сейчас-же, как птицы, вырвавшиеся из тесной клетки, спешили домой. У каждого на устах было радостное восклицание: «Домой, домой!» Никакая, кажется, сила не могла задержать их стремления на родину. Даже предстоящие удовольствия и торжества Священного Коронования ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III-го и те не могли заградить им путь. А нам, вместо того, чтобы радоваться, приходилось печалиться; мы, по отдаленности родины, не могли ехать домой на вакат. Вместо радостного восклицания: «домой!» с наших уст не сходило горькое слово: «увы! увы!» В продолжение одного дня наш класс почти совершенно опустел. По прошествии трехдневного торжества Священного Коронования, Директор наш Николай Иванович известил нас о том, что скоро и мы отправимся на каникулы в Раифскую пустынь (в 32 км от Казани). Вот наступил назначенный день для нашего отъезда; нашлись и попутные лошади, и 1 июня, в 3 часа пополудни, мы отправились в Раифу. День был ясный, тёплый. Какой восторг объял меня, когда я шел по лесу между цветами! Слово вся природа улыбалась и приветствовала меня. А что сказать о нивах? О, золотые

нивы! На этих нивах от тихого, тёплого ветерка колыхались волны, одна за другой. Рай, настоящий рай! О, природа! Если бы ты никогда, но изменяла своей летней красоты!

Мы приехали в Раифу в 10 часов вечера. Настоятель Раифской пустыни, отец игумен Вениамин, принял нас с отеческою любовью и приказал наведывающему монастырской гостиницей поместить нас в номере, где были готовые столы и койки.

По просьбе Николая Ивановича, настоятель велел коровницам отпускать нам ежедневно, утром и вечером, по известной порции молока, а обедать и ужинать ходить на общую трапезу с братией.

Считаю обязанностью дать некоторое понятие о Раифской пустыни, оказывавшей свое гостеприимство как предшественникам нашим, алтайцам, так и нам.

Раифская Богородицкая общежительная пустынь находится на Северо-западе от Казани, в 30 верстах, от г. Свияжска к северу, в 18 верстах. Она основана приблизительно около 1700 года благочестивым иноком Филаретом Московским, во имя иконы Грузинской Божией Матери, списанной с иконы в Черниговском монастыре Архангельской епархии. С западной стороны она окружена озером Сумой, которое простирается на 3 версты, до деревни Белой, с прозрачной водой и изобилием рыбы, а с восточной — сосновым лесом, простирающимся на 30 верст кругом, пожалованным Царем Алексеем Михайловичем; одним словом, местоположение пустыни, с её уединенностью и прекрасным воздухом, очаровательно. В настоящее время в Раифской Богородицкой пустыни настоятелем о. игумен Вениамин. Благодаря его великому сочувствию к Алтайской Миссии и человеколюбию, как мы, так и окончившие прежде нас курс Алтайцы, во время летних вакаций, всегда находили удобный и тихий приют в сей пустыни; за что считаем священным долгом своим возблагодарить великодушного Игумена, и не забудем его до гроба жизни.

Первым долгом я составил себе инструкцию, которую и старался выполнять, по возможности, точнее. Правила этой инструкции были следующие:

1) утром вставать в 7 часов и, умывшись, прочитывать из Евангелия по указанию;

2) в 8 часов идти к обедне, которая в монастырях совершается ежедневно; после обедни пить чай;

8) от чая до обеда заниматься переводом с алтайского на шорский язык;

4) после обеда до 8-х часов заниматься чтением книг религиозного содержания, выданных нам настоятелем Раифы;

5) после 3-х часов, напившись чаю, до ужина (до 7 ч.) гулять в лесу или кататься на лодке.

Так, по раз заведенному порядку, проходили незаметно и благополучно дни за днями. Но в конце июля у меня так сильно заболела грудь, что я слег было в постель. В обители есть иеромонах о. Ювеналий, который считается сведущим по медицинской части; но, к несчастью моему, его в это время не было в монастыре. Не находя никакого средства для смягчения болезни, я натер сам себе грудь свиным салом, которым мазали мы сапоги; но из этого никакой пользы не вышло. Мучимый болью, я сделался раздражительным и не мог переносить веселья других людей. Когда возвратился Иеромонах-фельдшер, то он приложил к моей груди горчичник, от которого хотя и не получил я большой пользы, но боль несколько поуспокоилась. Наконец, мне пришла благая мысль просить помощи у Великого Врача, Великомученика Пантелеймона. Вставши с постели, я тотчас же пошел в монастырь искать акафист Пантелеймону и, к счастью моему, скоро нашел его. С того дня, как прочитал я акафист, стал я поправляться здоровьем, и печальное мое положение заменилось несказанною радостью: первого августа, когда мы вышли из гостиницы гулять в лес, к крыльцу неожиданно подъехал алтаец — Моисей Орочинов, которого мы знали еще на Алтае, в Чулышмане. Радость наша усугубилась, когда приезжий рассказал нам о том, что благодетель наш о. Макарий произведен в сан архимандрита.

После прибытия Орочинова нам жить стало веселее. На последней неделе Успенского поста, благодаря Бога, мы все трое удостоились Святых Христовых Таин.

Не могу пройти молчанием также и о тех добрых и благодетельных людях, которых Господь послал нам в Раифе в наше утешение; эти достойные люди были: сын военного генерал-губернатора в г. Семипалатинске, Николай Николаевич Ермаков с супругой Марией Васильевной (дочь отставного чиновника Удельной Конторы Симб. губ., Лиманова). Г. Ермаков, окончивши курс па юридическом факультете Казанского Императорского Университета, состоял на должности в Казанском Окружном Суде. Эти великодушные супруги, не смотря на неравенство нашего происхождения, считали нас не то что за знакомых или друзей, а просто за братьев; они, в продолжение двух летних вакатов, не только радушно и ласково принимали нас к себе, но и помогали всем, в чем мы иногда имели нужду. «Мы все братья, все родные, — говаривала примерная г. Ермакова, — и, следовательно, мы должны помогать друг другу без различия; если, Господь даст, окончите курс, то и вы не оставите бедных». Да останется добрая память о них в моем сердце и да вознаградит их Господь долголетнею жизнью!

У нас было намерение возвратиться в Семинарию не позже 25 августа; но отсутствие настоятеля несколько задержало нас. Это произошло таким образом: 22 августа в Раифской пустыни был праздник Грузинской Божией Матери, в честь которой выстроена обитель. Богослужение совершалось Архиепископом Палладием, проезжавшим через пустынь для обозрения своей Епархии. На другой день праздника о. Вениамин отправился дня на четыре сопровождать Владыку по Епархии. Дождавшись возвращения о. Игумена и отслуживши молебен с акафистом Грузинской Божией Матери, мы распростились с добрейшим о. Вениамином, равно и с монахами. Выехав из Раифы в 12 часов дня, мы прибыли в Семинарию в 5 часов вечера. Тем и кончился летний наш вакал в 1888 году.

Вместе с начатием учения я принялся за печатание священной истории Ветхого и Нового Завета, которую я переложил на свое Шорское наречие с алтайского языка в Раифской пустыни, и к Рождеству Христову отпечатал; кроме того, с русского языка переведена была мною на Шорское наречие еще одна книжка, под заглавием: «Указание пути в царствие небесное», которую я отпечатал после Святков; и, наконец, весной до наката был отпечатан мною 4-й выпуск житий святых на алтайском языке...

...Находясь среди непрерывных занятий, мы не заметили истечения и этого года: наступила весна, а с ней настали опять и экзамены; но нам, алтайцам, на этот раз не суждено было дожидаться окончания экзаменов, так как непредвиденное происшествие изменило обыкновенный ход нашей жизни. Считаю обязанностью войти во все подробности этого происшествия.

Начиная с Масленицы, в продолжение всего поста, я стал замечать, что Моисей Орочинов (он учился в I классе), стал сильно худеть. На вопрос мой, почему он худеет, он отвечал, что совершенно здоров, только чувствует небольшую боль в боках. По всему видно было, что на него неблагоприятно действует казанский климат; к тому же, он упорно занимался своим делом, отказываясь, но смотря на свое истощение, идти в больницу. На Страстной неделе, в четверг, после причащения, он наконец был помещен в больницу: с ним случилось ограниченное воспаление брюшины, в связи с болезнью легких, которую называют катаром. Доктора признали, что болезнь опасна и что единственное средство против неё — хороший воздух. Поэтому решили отправить Моисея в Раифскую пустынь, а с ним вместе и нас двоих для ухода за ним. На другой день после этого решения мы с фельдшером отправились в пустынь на очень покойной линейке, нанятой за 12 руб. На выданные нам из Миссионерской суммы деньги мы купили для Моисея кур, яиц да немного портвейна Елисеева, ибо ему назначена была известная диета. В монастыре нам отвели особую комнату с русской печкой, в которой мы варили для Моисея куриный суп и яйца. По приезде нашем, на первый же день, выпало на

35 см снегу; это так сильно подействовало на здоровье больного, что он ничего не ел, а только пил чай с молоком. По его желанию, мы служили молебен Великомученику Пантелеймону, подавали просфоры за его здоровье, читали акафист безмездному врачу Пантелеймону и мазали больное место маслом, взятым от лампы перед иконой Святого. Если из нас один уходил обедать или по какой-нибудь надобности, то другой оставался при Моисее. В монастыре вышеупомянутый Иеромонах Ювеналий принимал всевозможные меры — давал порошки, делал припарки, ставил клистир, но все было напрасно: болезнь становилась все серьезнее и грознее. Так, видно, суждено было нашему брату Моисею на всегда остаться в России! За два дня до своей смерти, Моисей перестал стонать, стал больше спать, и заставлял нас искать у себя в голове; но на мое предложение остричь ее, он все отказывался (еще в Семинарии он изъявлял мне желание остричься, но по разным неудобствам отложил это намерение): вероятно, у него было предчувствие о приближении смерти. Смотря на эти признаки, мы обрадовались, думая, что ему легче. Но, увы! мы жестоко ошиблись: он не от облегчения стал тих, а лишился сил, ослабел. Пред последнею ночью, он выпил три чашки чаю и полторы чашки молока, да съел немного чёрного хлеба. Видя его безнадежное положение, я предложил ему исповедаться, на что он охотно согласился. После причастия он в полной уверенности своей смерти, обратился ко мне с следующими словами: «Вот я скоро умру; ты, Иван, напиши моей матери о том, что я умер, и еще о том, чтоб она отдала моего брата учиться грамоте. У меня есть девять рублей денег, ты их отдай в монастырь».

В последнюю роковую ночь мы с товарищем Кузьмой Укунаковым ни на минуту не ложились спать, а сидели около Моисея. Он был очень плох; глаза у него иногда закатывались, а иногда пылали огнем; он глядел то на нас, то на окно. Ровно в 12 часов ночи он спросил: «Который час?» На наш ответ, что уже 12 часов, он стал просить нас, чтоб мы легли спать; у него к этому времени вдруг возвратилась сила: он говорил ясно, громко. Смотря на спящего старца-монаха, которого казначей Раифы, о.

Иеромонах Дмитрий, прислал к нам на ночь, Моисей стал его укорять, говоря: «Для чего ты пришел сюда, коли не можешь сидеть? Если пришел караулить меня, то не нужно спать... А где же казначей? Зачем он ушел? (к несчастью, в то время о. Настоятеля дома не было, а после него главным был Казначей). Вы ложитесь спать и затушите огонь: мне нужно скорее умереть, — сейчас получил я от одного человека известие о скором отшествии моем». На вопрос мой, что сказать про него Преосвященному Макарию, он отвечал: «Напиши ему, что я грешный... умер...». При этом сам заплакал. После этого он почувствовал разрешение запора и хотел встать, но я не дал ему встать, а подложил под него простыню; после этого ровно в 2 часа утра, 8 мая, он тихо и спокойно предал свою душу Богу... Увы! не стало милого товарища! Боже мой! Что с ним случилось?..

Ни одной разумной мысли не было у меня в голове; я весь отяжелел, ибо с этим бесценным о Христе Иисусе братом связаны были почти все мои светлые воспоминания. «Боже мой!» — думал я. — «Неужели мне приходится похоронить на чужой стороне своего милого друга и товарища?! Не во сне ли все это? Неужели это лежит безгласный труп любимца Алтая? Куда он исчез и куда улетел? Ведь еще так недавно он с нами говорил!.. Зачем он нас покинул на чужой стороне, где нет ни одного родного человека? Нам ли выпала такая горькая и злая доля? Не может быть! Это — сон! Неужели в России мало своих покойников, что она вздумала присвоить себе любимого питомца Алтая? Чье это такое бледно-жёлтое и прозрачное лицо вижу я перед собою? Неужели это впали те самые глаза, которые не дальше, как за полчаса, так пронизательно смотрели на нас? Откуда явилась эта страшная бледность и черноватые пятна на щеках под бледной кожей? Отчего выражение лица такое строгое, холодное и безучастное? — Нет, это не Моисей! О, милый мой, о, брат мой, куда ты идешь?.. О, горький мой товарищ, вспомни о том, как мы с тобой воспитывались на родном Алтае. Думал ли ты когда-нибудь умереть за пределами своего отечества? Неужели тебе не жаль своей бедной матери и брата своего, которые считают тебя дороже

зеницы ока? Что они будут делать без тебя? Неужели без ведома всем им мы тебя, как среди безлюдной пустыни, зароем навечно в сырую землю?.. Наступит теплая весна на Алтае, прилетят перелётные птицы на знакомые свои места, закукует своим унылым голосом кукушка, а ты уже не вернешься на родную сторонку! Будет ждать тебя мать, но никогда, никогда не дождетя! О, как больно и тяжело мне глядеть на тебя! Ах, никто, никто из родных, но придет выронить слезинки на твоей могиле! Как красное солнце закатился ты, милый мой, от нас на веки вечные! Может быть, отлетая в лучший мир, твоя невинная душа с грустью оглянется на нас и, видя нашу печаль, сжалится над ней и выпросит у Бога для нас утешение; может быть, Господь тебя больше любил, чем нас, поэтому и взял тебя от нас. И я бы желал, дорогой мой, сподобиться той чести, которой ты сподобился, выбрав себе для вечного покоя святую обитель. Да удостоит тебя Господь Бог правой Своей стороны при втором Своем пришествии!»

Накануне смерти Моисея, Николай Иванович написал нам письмо с воспитанниками Семинарии — черемисом Александром Кидалашевым и вотяком Николаем Ивановым, которые как раз пришли на похороны Моисея и первую ночь читали Псалтирь по нем. Николай Иванович просил нас написать ему о нашем здоровье. О, как тяжело было мне встревожить таким грустным известием мягкосердечного и сострадательного нашего благодетеля. Из монастыря отправлен был в Казань к Николаю Ивановичу нарочный с формальным донесением о смерти Моисея; в ответ на это донесение, Николай Иванович написал письмо, в котором выразил глубочайшее сожаление о смерти милого юноши. При омовении тела Моисея, я отрезал у него пучок волос, который отправил его матери.

На Алтае, на нашей любезной родине, 9 мая, в день перенесения мощей Святителя Николая Чудотворца, бывает, как выше уже сказано, торжественный съезжий праздник, где наши родители и родственники, вероятно, пировали, не зная, что в этот день происходило у нас.

У стен Раифского монастыря. Конец XIX века

Что же такое происходило у нас здесь, в Раифе, после ранней обедни?..

Вместо радостного пения было погребальное пение, пение унывное, трогательное и печальное, а именно: «Свя-тый Бо-же», да «Со Свя-тыми упо-кой!» Погребение было очень торжественное; не смотря на отдаленность монастыря от села, народу собралось весьма много; шествие со гробом сопровождалось звоном колоколов с перебором. Последнее прощальное пение: «Приидите последнее целование дадим братие» словно перевернуло всю мою внутренность. Боже мой! Проститься со своим дорогим товарищем на чужой стороне навечно! Не помню, что со мной делалось и как мог устоять я на ногах. Многие из посторонних прослезились, говоря: «Бедненький, помер на чужой стороне, не оплаканный своей матерью!»

Моисея похоронили в монастыре между гробницами монастырской братии.

Схоронив Моисея, я, по его завещанию, шесть рублей отдал в монастырь на вечное поминовение души его, два рубля отдал на проскомидию, чтобы поминать его до сорока дней; около трех рублей роздал бедным, а тем, которые читали Псалтирь и делали гроб, дал, по силе возможности, особо; рубашки покойника и другие вещи, равно и свою лишнюю одежду, роздал неимущим.

Потеряв в лице Моисея своего бесценного и неподкупного товарища, я предался самой безутешной скорби: тоска, тайный недуг и мрачные думы вполне завладели мною. Для рассеяния несносной кручины, непременно нужно было мне временное отсутствие из Раифы: поэтому я обратился к Николаю Ивановичу, прося его, позволить нам побывать на время в Казани, на что он охотно согласился. Таким образом, 11 мая мы отправились в Казань, где я стал печатать жития Святых на Алтайском языке, присланные Преосвященным Макарием.

Своим утешением и оживлением по смерти Моисея я много обязан незабвенному благодетелю Николаю

Ивановичу. Иногда я у него просиживал по несколько часов сряду и с наслаждением заслушивался его живой и поучительной беседы. Он меня так же утешал, как Преосвященный Макарий во время смерти моей матери, в бытность мою на Алтае.

Во время пребывания моего в Казани получена была Директором нашим от Преосвященного Владимира телеграмма с его душевным сожалением о смерти Моисея Орочинова и благодарность о. Игумену Вениамину за то, что он упокоил чадо Алтая — Моисея, в своей святой обители. В одно и то же время, 6 июня, мы с Николаем Ивановичем разъехались каждый в свое место: он отправился в г.

Уфу, к Преосвященному Дионисию, во временный отпуск от Министерства Народного Просвещения, а мы — в Раифу.

Прибыв в Раифу, мы прежде всего позаботились обложить могилу Моисея дерном и посадить на ней астры. Пользуясь благоразумным советом о. Вениамина — не ставить на могиле Моисея деревянный крест, ибо он скоро подгниет и упадет, я выпросил у него две обтесанных плиты, из которых на одной посредством стамески и гвоздей выдолблен был мною крест, а на другой следующая надпись: «Под сей плитой погребено тело воспитанника Казанской Учительской Семинарии Моисея Савельевича Орочинова, уроженца Томской губернии, Бийскаго округа, скончавшегося в 1884 году, 8 мая, в 2 часа утра, 16-ти лет от роду». Затем внизу прощальный привет Алтаю:

Алтай золотой,
Прости, дорогой!
Будь счастлив, родной!
Господь над тобой!..

Последний мой долг на чужой стороне бесценному своему товарищу и по духу брату М. Орочинову ограничился этим ничтожным моим трудом; молиться же за него Богу я, при скудости моего усердия, не имел силы.

Однажды убитое горем, мое сердце не переставало грустить и ныть и теперь, ибо несносная душевная кручина возобновилась во мне по-прежнему, вследствие чего я ничем не мог основательно заниматься: если я начинал читать, то ум мой раздвоился, помышлял совсем о других предметах. Тоска о Моисее чем далее, тем более разгоралась во мне, отчего я иногда уходил во флигель (он помер во флигеле, потом мы перешли в гостиницу) и засыпал на той самой койке, на которой он помер, думая, не увижу ли его по крайней мере хоть во сне; но все было напрасно: он нас покинул совсем. Только одна церковная служба да пение несколько успокаивали мои взволнованные чувства. Впрочем, каждый из братии святой обители старался при всяком удобном случае утешить меня; я был всегда благодарен им за их искреннее участие в нашей печали. Но несчастья не на шутку посылаются человеку, а заставляют его искать то, о чем он, может быть, никогда и не думал: так и я, пользуясь советом добрых отцов Раифы и угнетаемый бесценною потерей, вздумал решиться на одно очень важное дело. Это случилось таким образом: беседуя о том и о другом со старцами Раифы, особенно с о. Иеродиаконом Софронием, недавно прибывшим из Киевского Михайловского монастыря в Раифскую пустынь, я часто касался древностей Киева, матери русских городов, и с жадностью внимал рассказам про него о. Софрония. Все старцы и о. Софроний единогласно советовали мне непременно побывать в Киеве. Их совет возбудил во мне еще более стремление к древнему Киеву, и я крепко решил сейчас же хлопотать у Московского Православного Миссионерского Общества, чрез директора Николая Ивановича, об увольнении меня в Киев. Думая, что Николай Иванович скоро вернется из Уфы, я написал в Казань на его имя письмо о своем намерении, прося у него разрешения на отпуск в означенное место. Но так как Николай Иванович еще не возвратился из Уфы, то письмо мое залежалось в Казани. Поэтому ко встрече иконы Смоленской Божией Матери я отправился лично в Казань, чтобы здесь дожидаться возвращения директора.

ВСТРЕЧА ИКОНЫ СМОЛЕНСКОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Много наслышавшись про крестный ход Смоленской Божией Матери из Седмиозерной пустыни (в 17 верстах от города) в г. Казань, я сильно желал быть участником этого достославного церковного торжества. Еще до своей отправки в Раифу, я уговорился с одним из товарищей, черемисом Александром Кидалашевым, чтобы вместе идти в Седмиозерную пустынь на встречу иконы. По этому уговору Кидалашев должен был явиться ко мне в Раифскую пустынь дня за два до выноса сей святыни из Седмиозерной пустыни, и из Раифы мы должны были отправиться на встречу иконы; но по домашним обстоятельствам он успел прийти к нам только вечером накануне выноса иконы. Так как до Седмиозерной пустыни от Раифы около 30 верст, то мы на другой день не могли бы поспеть туда к выносу иконы, т. е. к 12 часам дня. Поэтому, пользуясь советом о. Игумена Вениамина, мы отправились в Кизический монастырь, куда приходит икона к 6 часам вечера 25 июня.

Пришедши в Кизический монастырь, мы нашли там большое стечение народа из города на встречу Божией Матери. Начиная от монастыря дорога к Седмиозерной пустыни была буквально усеяна пестреющими толпами в разнообразных нарядах. Около монастыря, на высоком холме, были раскинута палатки с разными съестными припасами и напитками для богомольцев, как-то: рыбой, мороженым, мясом, овощами из парников, бакалейными и фруктовыми товарами, чаем, квасом, лимонадом, кислыми щами, минеральной водой и разными хмельными напитками. Отдохнув несколько времени у монастыря, мы пошли с народом на встречу иконы.

Ровно в 6 часов загудели в раз все монастырские колокола. Это означало, что церковное шествие подходит уже к монастырю. Погода стояла сухая, хотя после принесения иконы в монастырь пошел маленький дождичек. От множества народа земля словно колебалась; пыль, поднимаясь от ног богомольцев, заслоняла и

превращала всю разноцветную толпу в одну темную массу. Казаки гикали, перелетая взад и вперед по дороге и отстраняя толпы с пути иконы. У ворот Кизического монастыря был молебен Владычице, спасшей, по преданию, когда-то город Казань от моровой язвы. Икона на ночь осталась в монастыре.

Наступило 26 число, самый торжественный день Казани. В 11 часу, кроме колоколов Кизического монастыря, которые с раннего утра не умолкали гудеть, все пятьдесят казанских колоколен дружно зазвонили. Праздничное настроение, немного затихшее от вчерашней усталости, живо пробежало по всем самым отдаленным уголкам Казани, — весь город пришел в движение и ликовал; даже один из жидов, торговавших на толчке, говорил мне, когда я проходил мимо него: «Что же! И мы пойдем Богу молиться; разве Бог не один? и мы сейчас пойдем на встречу образу». Это торжество еще более усугубляла и давала еще более великолепный вид прекрасная теплая и ясная погода: солнце ярко освещало городские здания и кремлёвские стены, на которых народ, подобно разным цветочкам, насаженным в горшке, давно уже пестрел, в ожидании Владычицы; лучи солнца переливчатым блеском играли на золотых куполах Благовещенского Собора и на золотом шаре Сююмбекиной башни. Разряженные горожане густыми толпами, подобно дождевым тучам, спешили на луговину к Кизическому монастырю, Праздничные наряды: белые, красные, голубые и других ярких цветов, цветные зонтики, распущенные над головами богомольцев, придавала необыкновенно оживленный вид луговине, весной заливаемой во время водополя, а в другое время посещаемой разве только одними косцами. По мере приближения к монастырю, сгущение и натиск народа более и более увеличивались, и толпа становилась более разнообразней и пестрей. Народный говор, гиканье, гораздо сильнее вчерашнего, летавших взад и вперед по дороге казаков, крики полицейских, до изнеможения работавших над порядком, стук экипажей, несшихся к монастырю, и, наконец, колокольный благовест — все сливалось в один торжественный гул, далеко

Тысячи богомольцев стекались в центр Казани для встречи святого образа...

Около Казанского кремля православные христиане ждут начала крестного хода с иконой Смоленской Божией Матери. 1915 год.

Автор фотографии М. Шапшинский

разносившийся по окрестностям: словно стонала земля под тяжестью огромного количества народа.

Около 11 часов в монастыре, вместо мирного благовеста, затрещали; также затрещали и на всех городских колокольнях. Толпы словно всполошились — пришли в движение: кто спешит к монастырю, кто в месту встречи крестных ходов, а некоторые взезают на кремлёвские стены, дабы с высоты яснее и свободнее разглядеть необычайное зрелище и помолиться Божией Матери. Из Кизического показалось церковное шествие: кресты, хоругви и, наконец, всеми ожидаемая Чудотворная икона; ее несли на руках священники, теснимые пришлыми из дальних и ближних мест богомольцами, запыленными от продолжительного пути и с котомками на плечах. В это время из Тайницких ворот кремля показалось другое церковное шествие и направилось по крутому спуску, к реке Казанке. Веяние на легком ветерке хоругвей, сияние медных труб военных музыкантов, блеск золотых риз духовенства, мундиров казанских властей и штыков батальона, расставленного рядами по обеим сторонам пути — все это ослепительно действовало на зрение. Звон колоколов, грохот барабанов, военная музыка, пение клира, глухой перекаточный топот многочисленный толпы сливались, хотя не стройно, но необыкновенно поразительно, в торжественный гул.

Наконец, крестные ходы встретились на приготовленном месте. Почти с утра не умолкавший шум вдруг, как остановленный поезд локомотива, прекратился: звон, пение, барабанный бой, музыка, народный топот и людские голоса — все в один момент затихло, и наступила такая тишина, что слышно было бряцанье серебряного кадила в руке Высокопреосвященного, приветствовавшего фимиамом пришествие Владычицы. Тишина нарушалась, кроме молебствия, лишь только шорохом от крестного знамения тысячной толпы, да звонким пением вольных жаворонков, спускавшихся на землю с ясного небесного пространства. После молебна клир торжественно

воскликнул: «Днесь светло красуется град сей, ярко зарю солнечную восприемше, Владычице, чудотворную твою икону!..» От умиления почти у всех богомольцев на глазах показались слезы; десятки тысяч поверглись ниц пред Чудотворной иконой Божией Матери. Затем двинулось церковное шествие вперед, в кремль; опять загудели колокола, опять загрохотали барабаны, раздалось громкое пение, грянула военная музыка. Два Архиерея, как и накануне, шли рядом в запыленных митрах, омофорах и саккосах. Шествие двинулось чрез площадь в кремль. Я шел за военной музыкой до самого входа в Благовещенский собор и был до глубины души тронут умильным пением и музыкой. Каждый по-своему выражал свою радость, и у меня на душе как-то особенно было светло и весело.

После встречи Смоленской иконы Божией Матери я опять уехал в Раифу. В конце июля Николай Иванович прислал мне письмо, в котором выражал полное свое сочувствие моему желанию побывать в Киеве и Москве и уведомлял меня о том, что он написал на счет моего желания в Москву о. Попечителю Миссионеров, Иеромонаху Иоилу. Скоро пришло из Москвы разрешение на мою поездку от Высокопреосвященнейшего Иоанникия, Митрополита Московского, Председателя Миссионерского Общества.

Отрывок из книги «Поступление в училище
и продолжение учения шорца (алтайца)
Ивана Матвеева Штыгашева

Издание Действительного Члена Общества Любителей
духовного просвещения, Попечителя Миссионеров
Покровского Миссионерского Монастыря,
Иеромонаха Иоила.

Казань. Типография В. М. Ключникова,
Большая Проломная ул., соб. доме. 1885.

**НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ
ПРЕБЫВАНИЯ ВЕЛИКОЙ
КНЯГИНИ ЕЛИЗАВЕТЫ
ФЕДОРОВНЫ
В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ**

Л. А. Перминова

стр. 58-65

**ИСТОРИЯ
ОДНОЙ КНИГИ:
С НОВЫМ ЗАВЕТОМ
К СВЕТЛОМУ БУДУЩЕМУ**

М. Н. Романов

стр. 66-73

исследования

Обложка
сборника

Публикуем фрагмент выпускной квалификационной работы, выполненной студенткой Казанской православной духовной семинарии в 2019/2020 учебном году, Л. А. Перминовой (руководитель О. С. Зима).

Авторы настоящего сообщения проанализировали опубликованные документы охранного отделения, акцентируя свое внимание на события, связанные с пребыванием Великой княгини Елизаветы Федоровны в Казанской губернии и особенно посещение Раифской и Седмиезерной пустыней. Приводим исследования полностью, дабы избежать излишних кривотолков и сомнений...

Л. А. Перминова
студентка Казанской
православной
духовной семинарии

Некоторые факты пребывания Великой княгини Елизаветы Федоровны в Казанской губернии

НА ПОРТАЛЕ «РОССИЯ И ХРИСТИАНСКИЙ ВОСТОК» в 2019 году опубликованы новые документы о духовной и общественной деятельности Великой княгини Елизаветы Федоровны по материалам Московского охранного отделения (1909-1917 годов). Организация охраны Великой княгини Елизаветы Федоровны была связана с обеспечением ее безопасности в Москве и во время путешествий, и проводилась без ее ведома, так как княгиня не желала иметь никакой охраны. Как указывается в документах, для охраны определялись «трезвые, хорошо грамотные, развитые филеры охранного отделения», что, безусловно, обеспечивало точность и достоверность описываемых событий.

Сведения по охране Великой княгини Елизаветы Федоровны (донесения и докладные записки, написанные служащими Московского охранного отделения и офицерами губернских жандармских управлений) во время ее поездки по Волге, Каме и на Урал, 5–18 июля 1914 года.

**Скульптура Великой княгини
Елизаветы Федоровны. Раифа.**

Автор – Владимир Савельев

— 5 июля 1914 года в 10 часов 30 минут вечера Ее Императорское Величество Великая княгиня Елизавета Федоровна и принцесса Баттенбергская (Виктория, старшая сестра Великой княгини. — Прим. автора) прибыли на Курский вокзал Москвы и на поезде отправились в Нижний Новгород.

— 6 июля 1914 года в 8 часов 46 минут утра прибыли в Нижний Новгород, посетили Дивеевское подворье. Отправились на казенную пристань, сели на пароход (название не указано. — Прим. автора) и в 12 часов 30 минут дня отбыли по Волге.

— 7 июля 1914 года (с этого момента начинается интересное нас путешествие по Казанской губернии. — Прим. автора). В 7 часов 40 минут утра пароход пристал к пристани в Чебоксарах. Отправились в Троицкий мужской монастырь, отстояли обедню. В 10 часов утра отбыли из Чебоксар.

В 3 часа 30 минут дня пароход пристал к пристани уездного города Свияжск (начинается второе посещение Свияжска — Прим. автора). Ранее в краеведческой литературе определялся и освещался один приезд Елизаветы Федоровны в Свияжск, состоявшийся в 1913 году.

В ходе второго визита посетили мужской монастырь «Святителя Германа мощи» Отстояли молебен и отправились в женский монастырь Сергия Преподобного, отстояли молебен. (стилистика донесения сохранена. — Прим. автора). В 5 часов дня отбыли из Свияжска.

В 6 часов 30 минут вечера прибыли на пристань Казани. Далее филеры пишут, что Великая княгиня сошла с парохода (т. е. одна, без принцессы. — Прим. автора), отправилась в женский Казанский Богородицкий монастырь, где отстояла вечерню. После отправилась в монастырские покои, где и ночевала.

8 июля 1914 года в 7 часов утра вышла из покоев, пошла в монастырь «Явления Казанской Божией Матери пещеру» (в настоящее время Пещерный храм, адрес: Казань, Большая Красная, 5. — Прим. автора). Отстояла раннюю службу.

В 1 час дня вернулась на пароход. В 3 часа дня отбыли из Казани.

9 июля 1914 года в 3 часа ночи прибыли в уездный город Чистополь Казанской губернии. Великая княгиня посетила женский монастырь Успения Пресвятой Богородицы, где отстояла обедню. В 10 часов утра отбыла по Каме.

На этом визит Великой княгини Елизаветы Федоровны в Казанскую губернию завершился.

Никаких донесений о посещении Раифской и Седмиезерной пустыней нет.

Вряд ли филеры могли не заметить эти посещения. По донесениям ясно, что Казань Великая княгиня посетила без принцессы. Справедливости ради, можно считать, что пока Елизавета Федоровна посещала Казань, принцесса без нее могла посетить Раифу. Но даже сейчас, при современных транспортных средствах и дорогах посетить Раифу и Седмиезерную пустынь за 8 часов весьма затруднительно, а при каретном передвижении — думается, невозможно.

Обобщая сведения посещений Казанской губернии по материалам разных авторов, достоверно определяется, что в период 1910–1915 годов Великая княгиня Елизавета Федоровна четыре раза была в Казани (в 1910, 1913, 1914, 1915 гг.), два раза в Свияжске (в 1913 и 1914 гг.), один раз в Чистополе и Чебоксарах (в 1914 году). В этот период посещений Раифского и Седмиезерного монастырей не зафиксировано.

Но, может быть, она была в этих святых местах до 1910 года?

Исследователь биографии Великой княгини госпожа Л. П. Миллер в своем большом труде «Святая мученица Российская Великая княгиня Елизавета Феодоровна» пишет, что с 1902 года княгиня получала ежегодно духовное окормление у старца Гавриила в Седмиозерной пустыни, куда она приезжала с сестрой Марфо-Мариинской обители Варварой. Очень художественно Любовь Петровна описывает эти ежегодные посещения, чаепития в покоях настоятеля и душеспасительные беседы, при нередком участии студентов Казанской духовной академии. Но тут совсем путаница.

Старец Гавриил (Зырянов) перешел летом 1908 года из Седмиозерной пустыни в Спасо-Елиزارовский монастырь под Псковом. Марфо-Мариинская обитель в Москве, сестрой которой была Варвара, начала свою деятельность в феврале 1909 года.

Не получают ежегодные посещения...

А вот в Спасо-Елиزارовском монастыре встречи Великой княгини были.

По материалам того же Московского охранного отделения, удалось определить несколько дат их встреч:

1911 год — 16 февраля и с 9 июля по 22 июля;

1912 год — с 4 августа по 12 августа.

В письме своему брату Эрнесту в 1911 году Великая княгиня восторгается прелестью тех мест, встречами с «дорогим старцем Гавриилом». Она действительно помогала архимандриту в решении его житейских проблем и обустройстве монастыря. Вот тогда, наверное, и происходили эти упоительные вечера. Увы, без студентов Казанской Духовной академии.

Если вы посетите Седмиозерный монастырь под Казанью, то вам все равно будут рассказывать, что Великая княгиня Елизавета Феодоровна была в монастыре, покажут сохранившееся здание гостиницы, где якобы она останавливалась, приезжая к старцу Гавриилу. Покажут икону, письма нашего времени, где Святая Преподобномученица Елизавета и преподобный старец Гавриил запечатлены на фоне монастыря.

Именно поэтому мы продолжаем поиск документальных подтверждений. Просмотрен ряд архивных источников, в том числе архивы Седмиозерной пустыни. И найдены важные свидетельства: документы купли-продажи земельных угодий; дарение риз с точным указанием количества жемчуга, серебра, камней; фамилии благодетелей и многое другое. Найден документ — «распоряжение к прекращению болезни», в котором речь идет об эпидемии холеры. А вот подтверждающих пребывание Великой княгини Елизаветы Феодоровны документов пока не нашли. Продолжаем с надеждой искать...

**Икона
с частицей
мощей
преподобномученицы
Великой княгини
Елизаветы Феодоровны**

Михаил
Николаевич
РОМАНОВ,
исследователь

В хранилище древних книг Раифского монастыря

История одной книги: с новыми заветами к светлому будущему

У каждой книги и даже у каждого книжного экземпляра, хранящегося на книжной полке в магазине, библиотеке или дома, существует своя история, подчас не менее увлекательная, чем содержание самой книги. Всё начинается с автора, который либо по своей воле, либо по заказу издателя или другой стороны берёт на себя труд написания и составления книги. И в каких условиях и при каких обстоятельствах может быть написано, а затем издано это произведение – этому порой стоит посвятить отдельный рассказ, в котором детали появления издания на свет будут переплетены весьма необычным и замысловатым образом.

Путь, по которому книга может попасть в ваши руки, тоже может быть довольно запутанным и занять не одно десятилетие, а то и столетие. Однажды вам могут подарить старый фолиант, о существовании которого вы даже не могли себе ранее представить. Так произошло и с этой старинной книгой, попавшей в издательский отдел Раифского монастыря. Книга увесистая, с пожелтевшими уже страницами, испещренными странными буквами неизвестного языка. Что было еще более странным – на первый взгляд, казалось, что для того чтобы читать эту книгу, ее нужно развернуть горизонтально, чтобы привычные нам строчки расположились слева направо.

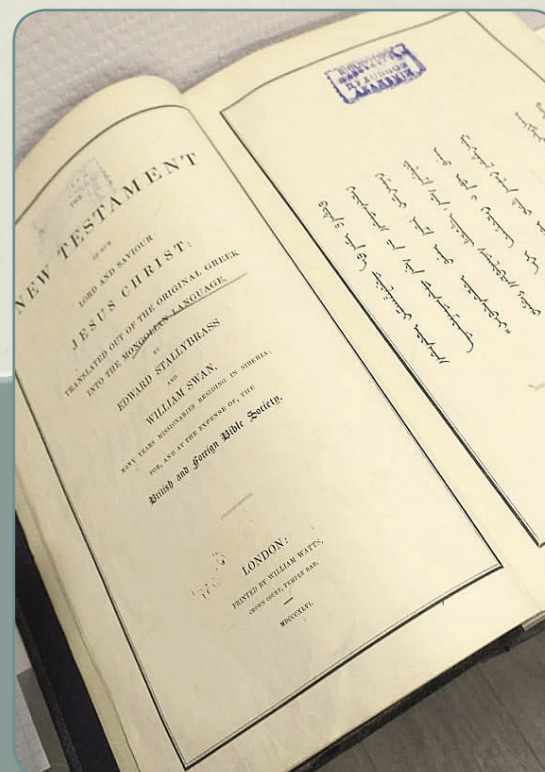
Прошли годы. Забытая книжка стояла беспризорно и без движения на книжной полке. Но однажды, будто нечаянно, она была снова раскрыта, чтобы рассказать свою тайну... Впрочем тайны как таковой уже давно могло бы и не быть, поскольку при более внимательном осмотре книги можно было бы заметить начальную страницу на английском языке. И если прочитать этот английский текст, тогда все тайное, связанное с этой книгой, сразу же стало бы явным, а именно то, что настоящая книга является переводом Нового Завета с оригинального греческого языка на монгольский и переводчиками значатся некие Эдвард Сталибрас и Вильям Сван.

В 60 километрах к северу от Лондона, прямо на Гринвичском меридиане, есть маленький английский городок Ройстон. Городок как городок, известный разве что тем, что здесь якобы родился в 1535 году Томас Картрайт – основатель пресвитерианства и пуританства, христианских движений, возникших в Англии на основе протестантского (реформаторского) учения Жана Кальвина. Здесь же в Ройстоне 8 июня 1794 года появился на свет Эдвард Сталибрас, один из переводчиков той самой загадочной книги на монгольском языке. Будучи членом конгрегациональной церкви, радикальной английской ветви кальвинизма, Эдвард обучался в конгрегациональном колледже в Хомертоне, пригороде Лондона. В 1816 году он был рукоположен в одном из приходов в Степни и в том же году повенчался с Сарой Робинсон, которая была старше его на пять лет. В следующем году Эдвард и Сара поженились, но судьба уже готовила молодоженам неожиданный поворот и невероятные испытания в их дальнейшей семейной жизни.

По предписанию Лондонского миссионерского общества, конгрегациональной миссионерской организации, Эдварда направили в Сибирь. Общество

это было основано в 1795 году и посылало своих миссионеров на тихоокеанские острова, в удаленные уголки и земли Азии и Африки – часто с риском для здоровья и жизни английских проповедников. В 1804 году создается Британское и Иностранное библейское общество – для перевода Библии на языки мира и её повсеместного распространения. В 1805 году российским императором Александром I в

особом Законе о религии была дана свобода проповеди церквям и обществам, в том числе заграничным, которые могли теперь официально регистрироваться в России. Более того, в декабре 1812 года в Санкт-Петербурге открылось Российское библейское общество – по примеру Лондонского миссионерского, и сам Александр I вступил в него. А уже в 1814 году между двумя обществами, российским

Новый Завет на монгольском языке

и английским было установлено сотрудничество. Имея такие благоприятствующие условия в России, 26 декабря 1814 года Лондонское миссионерское общество озвучило планы создания своего представительства в Иркутске.

Именно кандидатуру Эдварда Сталибраса утвердили в декабре 1815 года для осуществления этой задачи — отправиться с миссией в далёкий Иркутск. Позднее напарником Сталибраса назначили шведа Корнелиуса Рамна, а впоследствии к нему также присоединились шотландцы Вильям Сван и Роберт Юиль. В 1817 году Сталибрас и Рамн, в сопровождении своих жён, прибыли в Санкт-Петербург, где изучали русский язык, а в январе 1818 года отправились в Иркутск, преодолев для этого шесть с половиной тысяч километров. По пути они сделали остановку в Москве, где были удостоены аудиенции царя Александра I, который оказал миссионерам всяческую моральную и материальную поддержку, а далее проследовали через Нижний Новгород, Тобольск и Томск и наконец 26 марта 1818 года приехали в Иркутск.

Вильям Сван

Условия для организации миссии в Иркутске оказались не самыми лучшими, ввиду того что местное языческое население было полностью безграмотным, не имело никаких книг и говорило на «очень грубом» диалекте монгольского языка, на который было бы никогда невозможно перевести Священные Писания. 17 июля 1819 года Сталибрас с женой прибыли в забайкальский городок Селенгинск (ныне Новоселенгинск), где имелись более подходящие условия для начала миссионерской деятельности. 19 декабря 1819 года Рамн вследствие пошатнувшегося здоровья супруги был вынужден оставить миссию и уехать в Сарепту (сегодня часть Волгограда). Но вскоре, в конце января 1820 года, в Селенгинск прибыли

Эдвард Сталибрас

два других миссионера — Сван и Юиль. В 1828 году миссию перенесли в Худан (находится на территории современного Кижингинского района Бурятии).

В суровых сибирских условиях, в заброшенном диком крае отважные заморские проповедники вели миссионерскую и просветительскую деятельность, переводили на монгольский язык библейские тексты. О том, какую дорогую цену приходилось при этом платить, можно судить по тому факту, что из тринадцати детей миссионеров в Сибири выжили лишь восемь. В 1827 году от тифа скончалась жена Юиля Марта, а 6 февраля 1833 года умерла супруга Сталибраса Сара. В 1835 году Эдвард Сталибрас вернулся через Да-

Сара Сталибрас

нию в Англию. В Копенгагене он встретил свою вторую жену Шарлотту и позднее отправился вместе с ней вновь в Сибирь, где Шарлотта умерла в 1839 году...

К тому времени преемник Александра I император Николай I изменил политику благожелательности по отношению к присутствовавшим на территории России иностранным духовным организациям. Вильям Сван, вернувшийся в Англию в 1831 году и пытавшийся снова попасть в Сибирь с женой Ханной, был арестован в Петербурге и удерживался до конца 1833 года. В 1840 году миссия англичан в Забайкалье была высочайшим указом ликвидирована. Всех заграничных миссионеров из страны выдворили.

Новый Завет на монгольском языке был издан Британским и Иностраным библейским обществом в 1846 году в Лондоне, а шестью годами ранее был опубликован также и монгольский Ветхий Завет. Для перевода Сталибрасом и Сваном было использовано так называемое старомонгольское письмо, бытовавшее в то время среди бурятского народа. Оно имеет вертикальное направление записи, то есть первоначальное желание неискушённого человека развернуть листы книги горизонтально объясняется как раз тем, что строки старомонгольского письма располагаются вертикально.

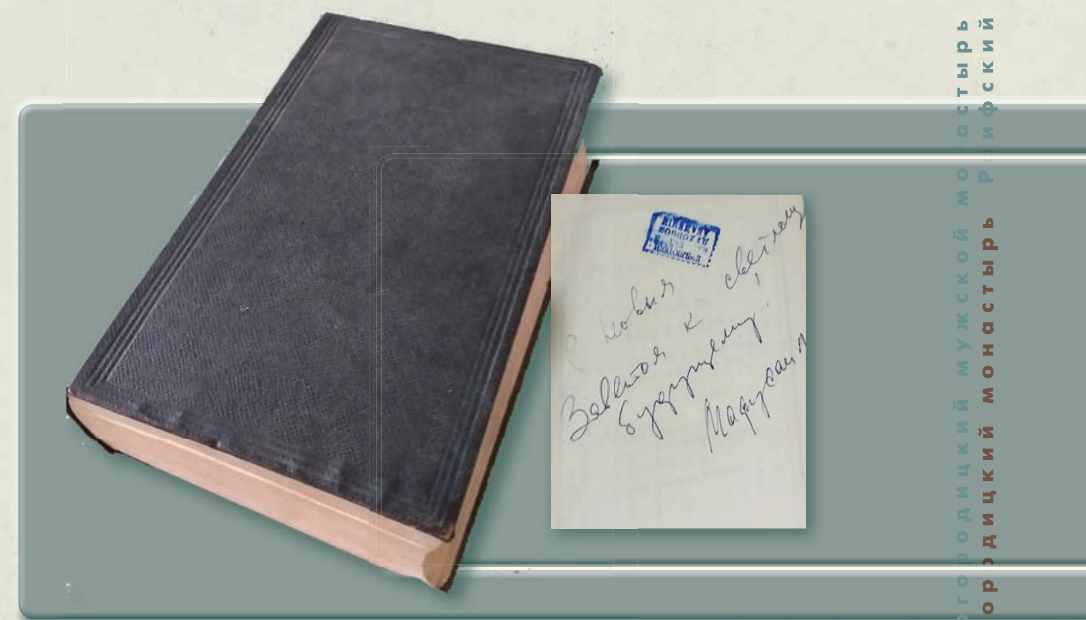
Эдвард Сталибрас в 1841 году вернулся в Англию и покинул Лондонское миссионерское общество. В дальнейшем был директором школы для мальчиков и пастором в двух приходах. Умер 25 июля 1884 года в возрасте девяноста лет в графстве Кент и похоронен в Лондоне.

Экземпляр Нового Завета на монгольском языке, попавший в издательский отдел Раифского

монастыря, имеет более поздние пометки, по которым можно судить о дальнейшей судьбе этого фолианта. Во-первых, на форзаце стоит синий штампик «Библиотеки Казанской духовной академии», существовавшей с перерывом с 1797 по 1921 год, и от руки приписано дарственное посвящение: «С Новым Заветом к светлому будущему! Мафусаил». Последнее, по-видимому, сделано в относительно недавнее время, поскольку имеет современное русское правописание, принятое в результате орфографической реформы 1918 года. Другими словами, весьма длительное время, вплоть до закрытия Казанской духовной академии, книга находилась в библиотечном фонде этого духовного учебного заведения.

Во-вторых, на первой странице собственно монгольского текста книги синей краской проставлен еще один штамп: «Библиотека Нац. культотдела Т. Ц. А.». Это означает, что из библиотеки бывшей Казанской духовной академии книга попала напрямую в библиотеку Национального культурного отдела Татарского Центрального архива, который был основан в аккурат в 1921 году и в настоящее время носит название Государственного архива Республики Татарстан.

Как в дальнейшем переходила книга от одного владельца к другому, из одних руки в другие, неизвестно. Некоторое время назад этот фолиант был передан в библиотеку Казанской духовной семинарии. Надеемся, что отныне это необычное издание Нового Завета обрело самое достойное место для своего будущего использования.

**ОБЗОР КЛИРОВЫХ
ВЕДОМОСТЕЙ
ЗА 1913 ГОД.
АРХИВ РАИФСКОГО
МОНАСТЫРЯ**

А. М. Елдашев

стр. 78–85

**ПРОМЫСЛ:
ПЕРЕСЕЧЕНИЕ
ВО ВРЕМЕНИ**

О. С. Уренцева

стр. 82–85

Эксклузив

ВЪДОМОСТЬ

о монашествующих и послушникахъ

Раифской Богородицкой пустыни

За 19/3 годъ.

Итак, в 1913 году к Казанской епархии были приписаны четыре монастыря, которые относятся сегодня к Чувашской епархии:

- Александро-Невский чувашский мужской общежительный монастырь (49 насельниц, в том числе 7 монахов);
- Чебоксарский Свято-Троицкий мужской третьеклассный монастырь (11 монахов);
- Чебоксарская Приписная Владимирская женская чувашская община (82 насельницы, в т. ч. 13 монахинь);
- Александрийский Кошлоушский Чувашский женский монастырь (163 насельницы, в т. ч. 8 монахинь).

Из современной Марийской епархии к Казанской епархии относились шесть монастырей:

- Михаило-Архангельский Козьмодемьянский черемисский общежительный мужской монастырь (122 насельника, в т. ч. 38 монахов);
- Царевококшайская Мироносицкая мужская пустынь (45 насельников, в т. ч. 15 монахов);
- Ашгавай Нырская Николаевская черемисская община (25 насельников, в т. ч. 8 монахов);
- Вершино-Сумский Введенский черемисский женский монастырь (153 насельницы, в т. ч. 14 монахинь);
- Царевококшайский Богородице-Сергиевский общежительный жен-

ский черемисский монастырь (158 насельниц, в т. ч. 23 монахини);

- Козьмодемьянский Свято-Троицкий черемисский женский монастырь (378 насельниц, в т. ч. 67 монахинь);

К Казанской епархии также относились двенадцать обителей:

- Раифская Богородицкая пустынь (91 насельников, в т. ч. 37 монахов);
- Лаишевский Свято-Троицкий общежительный женский монастырь (135 насельниц, в т. ч. 12 монахинь);
- Казанский архиерейский дом (Воскресенский заштатный монастырь) (9 насельников, в т. ч. 6 монахов);
- Свияжская подгородная Макарьевская пустынь (45 насельников, в т. ч. 16 монахов);
- Казанский Кизический монастырь (9 монахов);
- Казанская Седмиозерная Богородицкая общежительная пустынь (48 насельников, в т. ч. 37 монахов);
- Казанский Успенский Зилантов общежительный мужской второклассный монастырь (35 насельников, в т. ч. 10 монахов);
- Трех-Святительский крещено-татарский монастырь (13 насельников, в т. ч. 7 монахов);
- заштатный Казанский Иоанно-Предтеченский мужской монастырь (12 насельников, в т. ч. 6 монахов);
- Чистопольский Успенский

**Здание библиотеки
Раифской обители.**
Фото 1878 года

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Наступает время, когда человек задумывается над тем, что многие события его жизни каким-то чудесным образом связываны между собой. Более того, имеют прямую связь. Промысел — это мышление Бога наперед. по прошествии времени, мы вдруг узнаем: вот для чего так все произошло...

В семье Уренцевых всегда знали, что дед — Саначин Иван — имел какое-то отношение к Раифскому монастырю. Знали, что уже в зрелом возрасте был регентом. Его внук, отец Сергей Уренцев, начал регентовать с его старых партитур...

В течение долгого времени попытки найти в архивах хоть какие-то отметки о своем деде были тщетны. Но все было рядом. В древнем хранилище книг Раифского монастыря оказались клировые ведомости за 1913 год. И в списках послушников Раифской пустыни красивым, каллиграфическим, почерком выведено — Саначин Иван, 13 лет.

женский общежительный монастырь (207 насельниц, в т. ч. 22 монахини);

— Покровская просветительная крещено-татарская женская община (47 насельниц, в т. ч. 4 монахини);

— Свяжский Иоанно-Предтеченский женский монастырь (380 насельниц, в т. ч. 34 монахини).

Согласитесь, поражает довольно большое количество насельников в сравнении с количеством монастырей. Вообще в 1913 году, перед первой мировой войной, было наибольшее число пребывания насельников в святых обителях. С того момента, особенно во время войны и особенно в годы революционного лихолетья число монастырей по понятным причинам пошло на резкий спад.

Суммируя сведения по Клировым ведомостям делаем вывод: в двух мужских монастырях и двух женских общинах, ныне относящихся к Чувашской епархии проживало 294 насельников и насельниц, в том числе 39 монахов и монахинь; в шести обителях ныне относящихся к Марийской епархии соответственно 881 и 165, к двенадцати монастырям, относящимся к Казанской епархии — 1022 и 204. Итого получается, что в 22 обителях проживало 2197 насельников, в том числе 408 монахов и монахинь.

В данных «Клировых ведомостях...» по неизвестным нам причинам отсутствуют сведения о насельниках монастырей мужских Спасо-Преображенского, Свяжского Свято-Успенского, женских Казанского Богородицкого женского и Свято-Феодоровского. Самым крупным в Казанской епархии, несомненно, был Казанский Богородицкий женский монастырь [1]. В фондах Государственного архива Республики Татарстан нами выявлены документы, свидетельствующие, что в 1910 году насельниц в нем проживало 479 человек, из них 61 монахиня [2], в 1916 году соответственно — 479 и 65 человек [3].

«Ведомости...» по Раифской Богородицкой пустыни свидетельствуют, что в обители проживал 91 насельник, в том числе 37 монахов. Настоятелем обители состоял игумен Венедикт (Филипп Васильев), 55 лет. Из крестьян. Принял монашеский постриг в Раифском монастыре 14 марта 1892 года.

Казначей — иеромонах Азарий (Гольшев Терентий Евфимов), 51 год. В монашество был пострижен в Раифском монастыре 22 декабря 1896 года.

По сословной принадлежности основная часть монахов — это

Письмо правнучки Оли: из 1913-го в 2017-ый

«6 декабря 1911 года в Раифскую пустынь был зачислен Саначин Иван в возрасте одиннадцати лет. Его мама в то время работала дояркой на монастырской ферме. Иван уже в столь раннем возрасте проявлял большой интерес к богослужению, учился в церковно-приходской школе, в которой позднее закончил 4 класса, что в то время означало прохождение полного курса школьной программы. Особенно привлекало его церковное пение, а так как Иван с рождения обладал музыкальным слухом, хорошим голосом, смог развить свой талант в данной стезе. И в дальнейшем всю свою жизнь он посвятил регентскому делу. Во время антирелигиозных гонений в 1919 году семье Саначиных пришлось бежать из Раифской обители. Затем свое регентское дело Иван Саначин продолжил в других церквях, которые еще не успели закрыться Советской властью. Позднее он служил регентом в церкви города Волжска до 1968 года, до самой своей смерти. Но его дело продолжило жить».

27 августа 1992 года в возрождаемую Раифскую обитель был назначен регентом хора Уренцев Сергей, который является внуком Саначина Ивана. Долгое время никто из потомков Саначина Ивана не знали достоверных сведений о его пребывании в Раифской пустыни, и только спустя 100 лет приоткрылась завеса тайн — была найдена информация в «Ведомости о монашествующих и послушниках данного монастыря за 1913 год».

Мой отец, диакон Сергей Уренцев, с 1992 года является регентом монастырского хора — вокального квартета «Притча». Тем самым продолжает дело своего деда Ивана Саначина, ведь все те церковные песнопения, которые исполнялись в стенах обители до ее закрытия, звучат здесь и ныне».

выходцы из крестьян (27 человек, или 73 процента), из мещан — 6 человек, из священства — два и из солдатских детей тоже два человека.

В основном монашествующие представляли восемь губерний Российской империи: Казанскую — 25 монахов, или 67 процентов, Симбирскую — четверо, два монаха — Орловскую и по одному Самарскую, Уфимскую, Пермскую, Пензенскую и Подольскую.

Возрастной состав монашествующих обители: от 30 до 40 лет — 11 человек, от 40 до 50 — десять монахов, 50—60 лет — семеро, 60—70 лет — шесть.

Троим монашествующим было более 80 лет:
 — иеромонах Феофилакт (Матвей Александрович Бундин), 83 года, из мещан города Чистополь. В обитель поступил 8 марта 1881 года;
 — иеромонах Гурий (Лука Алексеевич Фурутин), 82 года, из крестьян Казанской губернии. В монастырь поступил 5 декабря 1892 года;
 — монах Николай (Петр Иванович Заварыкин), 81 год, из мещан города Мензелинск. В обитель определен 29 июня 1907 года.

Монашеский постриг в основном приняли в Райфской пустыни — 29 человек, или 78 процентов, в Седмиозерной — трое, двое в Кизическом Свято-Введенском

мужском монастыре и по одному в Макарьевской пустыни, Симбирской епархии и Кишиневском Архиерейском доме.

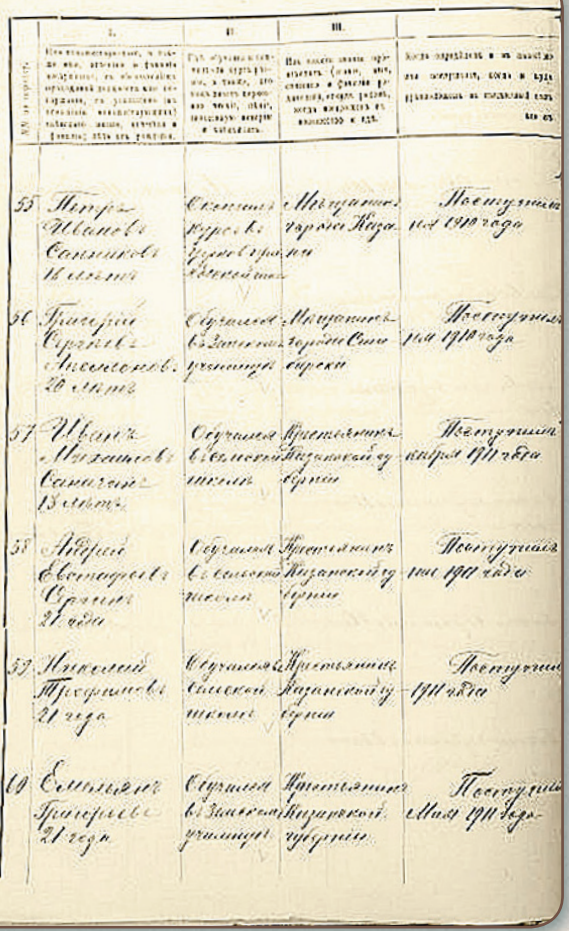
По времени поступления в число братии святой обители: 1875—1887 гг. — четыре человека, 1891—1898 гг. — восемь, 1901—1908 гг. — четырнадцать, 1910—1913 гг. — одиннадцать человек.

Среди рясофорных послушников, или как отмечено в «Клировой ведомости...», лиц, проживающих на испытании, выявляется следующая картина: по сословной принадлежности из крестьян — 41 человек, или 76 процентов, мещан — семеро, из солдат — пятеро.

Послушники были выходцами из семи регионов России: губерниях Казанской — 33 человека, или 61 процент, (городе Казани — четыре), Уфимской — шесть, Вятской — четыре, Нижегородской — три, Симбирской и Оренбургской — по два человека.

Возрастом послушники, естественно, были намного младше монашествующих обители: до 20 лет — двадцать человек, от 20 до 30 — двадцать один, от 30 до 40 — три, от 40 до 50 — пять человек, от 50 до 70 — четыре, один послушник был в возрасте 81 года. Это поступивший в обитель 10 мая 1904 года неграмотный крестьянин Казанской губернии Петр Васильевич Ганин.

1. Елдашев А. М. Монастыри Казанского края: очерки истории. — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2004. — С. 8 — 118. *он же.* Православная культура в Казанском крае (XVI—XX вв.). Очерки истории. — Казань: Татарское книжное издательство, 2013. — С. 22 — 69. *он же.* Живописная мастерская Казанского Богородицкого монастыря. - Казань: Центр инновационных технологий, 2019. — С. 4-59.
2. ГА РТ. Ф. 484. оп. 82. д. 1.
3. ГА РТ. Ф. 484. оп. 84. д. 1.

ДУХОВНО-ИДЕЙНОЕ
НАСЛЕДИЕ МИТРОПОЛИТА
АНТОНИЯ (ХРАПОВИЦКОГО):
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ
СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Е. А. Ситницкая

стр. 88–103

архив

архив

Евгения Александровна СИТНИЦКАЯ,
Кандидат философских наук,
доцент кафедры философской антропологии.
Казанский (Приволжский) Федеральный Университет

Духовно-идейное наследие митрополита Антония (Храповицкого): литератураведческая составляющая

Будущий митрополит родился и вырос в аристократической семье, в которой почитались словесные и эстетические традиции. Юный Алексей Храповицкий имел предрасположенность к словесности, поэтому познание литературы ему давалось легко.

Владыка Антоний придерживался взгляда на литературу как на явление нужное и полезное для христианина. Он на протяжении всей своей жизни обращался к литературе, черпал в ней примеры нравственности, которые нередко приводил в своих проповедях и сочинениях.

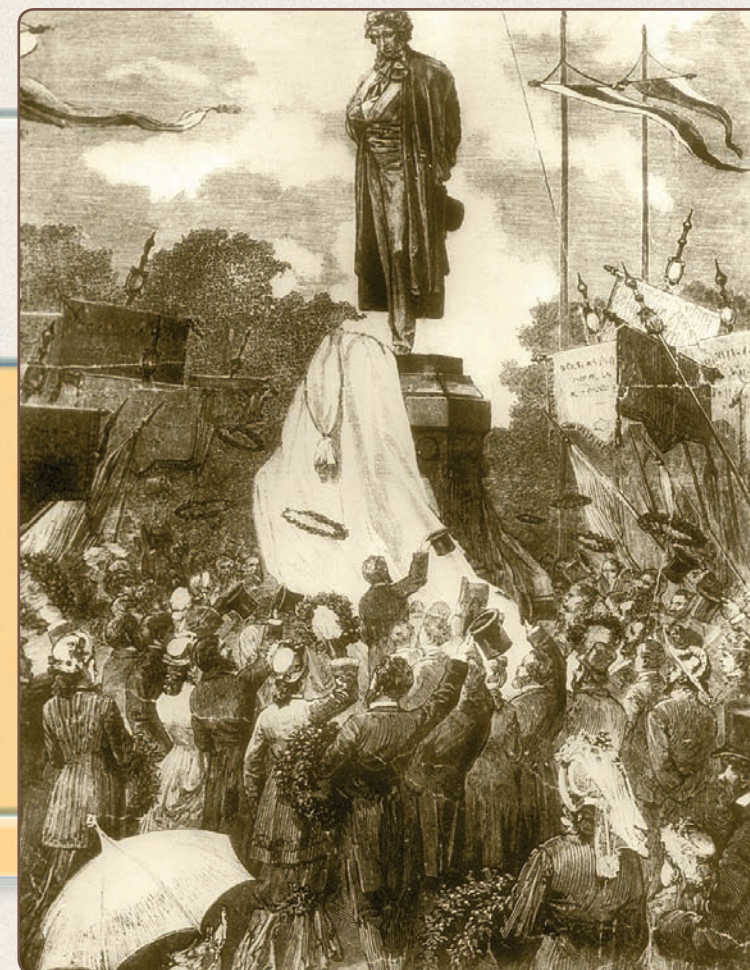
Из всех русских писателей владыка особое внимание уделял творчеству Ф. М. Достоевского и А. С. Пушкина и углубленно изучал их произведения.

Антоний, архиепископ (А. П. Храповицкий).
Полное собрание сочинений

Эпидемиологическая обстановка лета 2020 года не позволила с традиционным размахом отметить в России 6 июня День пушкинской поэзии, или День русского языка, как он теперь называется. В одиночестве оказался в этот день и бронзовый монумент Пушкина, возведенный в 1880 году, на Страстной площади, в начале Тверского бульвара. А ведь ему в нынешнем году исполнилось 140 лет.

Открытие памятника, созданного на народные деньги, стало тогда всенародным праздником, апогеем которого явилась речь Федора Михайловича Достоевского, с которой он выступил 8 июня 1880 года на собрании Общества любителей российской словесности. Иван Сергеевич Аксаков назвал речь Достоевского «событием в нашей литературе», показавшим истинное значение Пушкина и «не о чем больше толковать»[1]. После окончания речи Федора Михайловича несколько мгновений «зал пребывал еще в каком-то оцепенении, которое прорвалось вдруг столь бурно, что вряд ли когда прежде Богородное собрание видело что-либо подобное», — описывает этот момент Юрий Селезнев, биограф Достоевского.

«Пророк! Пророк! — раздавались крики. Славянофил Иван Аксаков и западник Иван Тургенев бросились целовать Достоевского, кто-то упал в обморок...[2] Этот восторг, подъем, восхищение оратором наблюдал семнадцатилетний юноша из Санкт-Петербурга Алексей Храповицкий, являющийся поклонником Достоевского, неоднократно слушавший его выступления в Санкт-Петербурге и уже хорошо знакомый с его творчеством. Взволнованный

Открытие памятника
А. С. Пушкину
на Страстной площади
в Москве
6 июня 1880 года.
Репродукция рисунка
А. Баумана с наброска
Николая Чехова.
Из собрания
Государственного
литературного
музея в Москве

речью о Пушкине, он еще не знал, что в течение всей жизни будет исследовать творчество Пушкина и Достоевского и что сам произнесет в 1899 году пушкинскую речь в Казани. Семнадцатилетним юношей был будущий митрополит Антоний (Храповицкий) (1863—1936), основатель и первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей.

Архиерей.
Художник Михаил Васильевич Нестеров,
1917 год, Третьяковская галерея

Жизнь митрополита Антония — это множество событий, неожиданных поворотов, взлетов и падений, неодинаковых по значимости, подчас общероссийского или даже мирового масштаба, происходивших в разных географических точках мира, и порой оцениваемых неоднозначно.

Много пришлось претерпеть митрополиту Антонию в те «окаянные дни», когда начался распад Русского государства, было отменено обер-прокурорство в Русской Православной Церкви (РПЦ), шла Гражданская война и одна власть сменяла другую. Временное правительство отправило владыку Антония в ссылку на Валаам, петлюровские власти арестовали и продержали его несколько месяцев в тюрьмах, откуда священнослужителя освободили представители французской военной миссии.

Более того, будучи архиепископом, владыка Антоний оказывается в числе трех претендентов на патриарший престол на Поместном соборе РПЦ 1917—1918 гг. Но жребий пал на другого иерарха. В 1917 же году он возводится в сан митрополита, назначается митрополитом Киевским и Галицким.

В 1920 году с войсками Врангеля он покидает Россию и в 1923 году становится основателем и первоиерархом Русской Православной Церкви Заграницей. (РПЦЗ).

В Казанском крае мы знаем Преосвященного Антония как ректора Казанской духовной академии. Да, в его жизни был и казанский период, который длился с 1895 по 1900 годы и был одним из значительных этапов церковной карьеры владыки, его педагогической, научной и других видов деятельности. Перемещение митрополита Антония из Московской духовной академии, которую он возглавлял, на ту же должность ректора Казанской духовной академии произошло по причине разногласий с московским митрополитом Сергием (Ляпидевским), который настаивал, что в монахи следует постригать людей только после 30 лет [3].

В жизни митрополита Антония похожих конфликтов-разногласий было немало. Его деятельность в Казани оценивается современниками неоднозначно. Например, в Православной богословской энциклопедии за 1906 год она характеризуется отрицательно. И наоборот, А. Царевский в брошюре, посвя-

биографии Пушкина — Болдинской осенью. Только Пушкина держала в изоляции холера, а митрополита Антония — тюремная камера. Арест был произведен силами польского ставленника Симона Петлюры, в 1918 году, захватившего со своими войсками Киев. Предшественник владыки Антония по архиерейской кафедре архиепископ Владимир был расстрелян большевиками, но расправиться так же с владыкой Антонием петлюровцы не решились. Однако в тюрьму посадили и продержали семь месяцев. Поводом для ареста было выступление митрополита Киевского и Галицкого Антония против автокефалии Украинской православной церкви. Функции тюремных помещений выполняли монастыри — сначала в западной Украине, а потом — униатский монастырь в Польше. Однако писать в заточении не запрещалось, и Антоний сразу же взялся за литературную работу. Как и Пушкин в период своей Болдинской осени, Антоний сумел написать несколько серьезных произведений, из которых три богословских и одно светское, названные им «Словарем к творениям Ф. М. Достоевского».

Это самая крупная работа митрополита Антония о Достоевском, содержащая характеристику писателя не только как психолога — именно эту его черту автор подчеркивал, как заглавную. Она также раскрывает и другие стороны, взгляды и черты его мировоззрения, мировосприятия, мироощущения и оценки последствий событий и действий людей, передаваемых Достоевским художественными средствами. Здесь на первом месте философские, социально-политические, социологические, исторические, культурологические, религиозно-философские размышления Достоевского, которые митрополит Антоний большей частью воспринимает как абсолютные и пророческие истины.

В «Словаре...» владыка затронул очень много проблем, на которые натолкнуло преосвященного митрополита чтение Достоевского. Не представляется возможным даже перечислить их все: в «Словаре...» 17 глав, из которых некоторые поделены еще и на параграфы. Общий объем страниц — 192. Отметим только, что в «Словаре...» традиционно отведено место и Пушкину, потому что эти два гения, в представлении митрополита Антония — неразделимы. В целом «Словарь...»

представляет собой очень ценное пособие для понимания сути творчества Достоевского. Как выразился один из почитателей митрополита Антония, — «Словарь к творениям Достоевского Ф. М.» — книга великого богослова о великом писателе.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Свою книгу владыка задумал как апологетический трактат, во-первых, для интеллигентов, потерявших христианское мировоззрение и не имеющих выхода из историко- и мирозерцательного тупика. Во-вторых, по мысли святителя, книга должна пробудить интерес к чтению Достоевского, творения которого «должны составлять нравственно-патриотический катехизис русского человека».

В-третьих, пожалуй, важнейшим назначением работ было стремление святителя пробудить надежду на возрождение России и будущий расцвет в ней духовности и культуры на новых основаниях. Адресатами своей работы архипастырь считал искренних патриотов, монархистов, даже черносотенцев, исключая очень немногих самостоятельных мыслителей различных партий и внепартийных».

Вслед за писателем архипастырь зовет своих читателей обратиться ко Христу, единственному пути к личному и общественному благосостоянию, т. к. важнейшей основой русского народа, по Достоевскому, является Православие (БИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ, ХРОНОС).

Последняя работа митрополита Антония о Пушкине впервые была напечатана в эмигрантском журнале «Царский вестник» в 1929 году. Её название — «Пушкин, как нравственная личность и православный христианин». В ней автор не единожды возвращает нас к предшествующим эпизодам российской «пушкинианы» — Пушкинской речи Достоевского при открытии памятника Пушкину в Москве в 1880 году и собственному выступлению в Казанском Императорском университете в 1899 году. По поводу первого события митрополит Антоний вспоминает тот колоссальный восторг, который охватил тогда слушателей этой речи и отразился на всей современной российской литературе: «Речь Достоевского так глубоко проникла в умы и сердца нашей публики, что критическая литература, ранее унижавшая Достоевского, с 1881 года изменила свой высокомерный тон и стала относиться к Достоевскому с таким же почтением, как и к Пушкину».

Митрополит Антоний замечает, что обширная литература всегда старалась выставить Пушкина либо рационалистом, либо революционером, несмотря на то, что наш великий писатель был живой противоположно-

**СЛАГОСЛОВЕННАЯ
РАИФА**

Л. А. Анисарова

стр. 108 – 138

публицистика

ДНЕВНИК ПАМЯТИ

Фото Эдуарда Закирова

и фский Богородицкий мужской монастырь Раифский Богородицкий монастырь Раифский Богородицкий монастырь Раифский Богородицкий монастырь

**Людмила
Анатольевна
АНИСАРОВА,**
писатель

БЛАГОСЛОВЕННАЯ ПРАИФЯ

Не бойся ни горя, ни болезней, ни страданий, ни всяких испытаний – всё это посещения Божии, тебе же на пользу. Не бойся трудностей. Возлюби их, благодари Бога за них. Они имеют какую-то цель для твоей души. Предоставь нежно и ненасильственно самого себя в руки Божии, и Он придёт и одарит благодатью твою душу.

Преподобный Анатолий Оптинский

Я никогда не слышала о Раифе до определённого момента. Это довольно странно, потому что это очень известная православная обитель. Как я узнала о ней? И как случилось, что за два года я успела побывать там четыре раза? Как стало это место для меня самым притягательным, самым важным? Как стало оно тем самым местом силы, которое так необходимо каждому человеку?

...Машину владыки Феофана можно было бы увидеть сразу, как только вышла из такси, но почему-то не увидела. Только сейчас. И сердце заколотилось радостно: здесь, приехал, родненький наш!

А вот и он сам. Выбирается с трудом с высоким своим ростом из-за руля. Очень близко ко мне, но – спиной, но – за оградой. Рядом! Надо же поздороваться... А он достаёт из машины кlobук, сдувает с него пылинки перед тем, как поменять на него скуфью. Окликнуть неудобно. Рядом с владыкой уже стоит один из его духовных чад (мы с ним знаем друг друга в лицо). Он увидел и меня, и моё смятение. Машет рукой в сторону: иди, иди вон к той калитке, сейчас владыка направится к ней. Слава Богу! Не только не опоздала... Уже сейчас получу благословение... И успею и сказать, и поблагодарить. Не верится... Господи, как же Ты, послав такое страшное испытание, теперь жалеешь меня, недостойную и грешную, как ведёшь и помогаешь...

У калитки – казак, по звёздам – полковник, возможно, атаман. Будет, как я понимаю, сопровождать епископа Феофана до храма. Путь величественный сам по себе (через широкий основательный мост) и не короткий (метров 300, точно, есть). И уже видно, что раскрыты ворота колокольни: под её сводами владыка прошествует к высокой и широкой лестнице Успенского храма. оздоровалась с полковником, встала за его спиной на приличествующем моменту расстоянии.

Слёзы... А ещё – непреодолимое желание встать перед владыкой на колени, целовать края его облачения, бесконечно благодарить за Леру. Ведь чудо произошло! Произошло по его молитвам и молитвам многих добрых людей, которые теперь – братья и сестры, знакомые и незнакомые, далёкие и близкие, хотя, по сути, независимо от расстояния, все близкие, очень близкие.

Лера не в реанимации, не в искусственной коме (ведь об этом предупреждали). Она дома! Она не просто на своих ногах – она в делах и заботах о семье. Всё в её умной головушке разложено по местам, как раньше. Лишь неровная улыбка выдаёт болезнь. Худоба? Так она и раньше не отличалась полнотелостью. Слабость? Но это так естественно в данной ситуации. Все невыносимые картины, рисовавшиеся в воображении до операции, исчезли, как страшный сон.

Итак, владыка Феофан направляется к калитке. И уже видит меня. И уже улыбается своей детской, наивной, небесной чистоты улыбкой.

Полковник открывает калитку, получает благословение. Вот и мой черёд настал. Припадаю губами к белой тонкой кисти владыки, чувствую тепло его левой ладони на голове. Вот она – защита. Вот оно – предстательство перед Господом. И это мне, недостойной и грешной. Благодарю тебя, Господи...

Владыка указывает место рядом с собой, чтобы на ходу расспросить меня про Леру и про Димочку. Так и идём по Глебовскому мосту: высокий, стройный седовласый владыка Феофан, серьёзный казачий полковник и я, семениющая рядом с владыкой, тянущая шею, старающаяся не пропустить ни одного вопроса и ни одного слова его. Его, непостижимого – в оторванности от всего земного – и одновременно абсолютно близкого – в тёплой простоте, радостном приятии мира и нас всех, грешных чад его, кто так стремится всегда оказаться с ним рядом хоть на мгновение.

Моё мгновение длилось и длилось! Мало того, что владыка расспросил и про Леру с Димой, и про супруга (так он величает моего Васю, хотя чаще называет его Василием, почему-то всегда особенно тепло при этом улыбаясь), так ещё и успел коротко рассказать мне очень важную историю.

Попробую воспроизвести его слова:

— Вам нужно съездить в Раифский монастырь. Это в Татарстане. Там находится чудотворная икона Грузинской Божьей Матери. Грузинской она называется по месту обрЕтения.

Да, он так и произносит: обрЕтения. Я слушаю очень внимательно, как владыка рассказывает о недавней поездке с Татьяной Васильевной, своей мамой, в монастырь, название которого я пока и не очень запомнила.

— Это близко от нас, минут 20 на машине. Мне рассказал отец Гавриил, наместник, что как-то к иконе приехала молодая женщина, мусульманка. Её совсем маленькой дочери (месяца три) поставили диагноз, как у вашей дочери. Опухоль мозга. Нужно было делать операцию. Женщине посоветовали поехать к иконе Грузинской Божьей Матери. Она приехала, очень усердно молилась. А когда вернулась домой, то после повторного обследования выяснилось, что опухоль чудесным образом исчезла. Вот так Пресвятая Богородица помогает даже иноверцам... Известно и много других чудес, совершённых по молитвам перед этой иконой.

Мы повидались с владыкой и на следующий день, в Свято-Троицком монастыре. Мы были на утренней службе вместе с Васей. И опять чудесным образом удалось поговорить с владыкой (поверьте, это не так просто, потому что таких желающих — море). И опять он сказал про Раифский монастырь. Стало ясно как Божий день: мне туда нужно.

ПЕРВАЯ ПОЕЗКА В РАИФУ

9—10 АВГУСТА 2018 ГОДА

Так случилось, что в Раифу я попала буквально через несколько дней после разговора с владыкой Феофаном — вместе с ним и его мамой Татьяной Васильевной, с которой нас связывает давняя дружба.

Мы ехали из-под Шацка в Волжск втроем на машине, за рулём — владыка. Самое запомнившееся из поездки: владыка останавливает машину рядом с полем подсолнухов. Смотрит на них детски-восторженно и, со слезами на глазах, произносит: «Как же удивительно красиво Господь всё устроил!».

Поздно вечером мы были в Волжске. Утром владыка исповедовал меня, недостойную и грешную... Как ждала этого моя измученная душа...

А потом мы поехали в Раифу, где я должна была остаться на два дня, остановившись в гостинице — доме паломника.

Я сразу устроилась в этом прекрасном доме, похожем на сказочный замок, стоящий на самом берегу озера, начало которого здесь и есть, а вот где оно, огромное, оканчивается...

Принял нас в монастыре сам наместник — отец Гавриил. Высокий, статный, красивый. Чёрная борода без проседи подчёркивает расцвет жизненных сил. Весь облик — аккуратный, собранный, призывающий всех и каждого к внешнему и внутреннему порядку, к сосредоточенности и дисциплине. Взор (именно взор!) строгий и как будто обращённый к себе. Но слова приветливы и добры. И обращение в целом — более чем радушно. Он сам повёл нас по монастырю.

Сначала мы остановились у стены, на которой укреплены большие фотографии: вся история Раифского монастыря. Скорбно впечатляет вид его разорённых в лихолетье храмов. Радуют душу запечатлённые работы по его восстановлению. Они начались с 1991 года. И в невероятно короткий срок, в течение десяти лет, по словам отца Гавриила, под покровительством Пресвятой Богородицы и усердием наместника монастыря архимандрита Всеволода и братии монастырь был практически полностью восстановлен.

Затем мы отправились дальше, остановились у монастырского кладбища, продуманно ухоженного, засаженного множеством цветов, огороженного кованой изгородью. В середине прошлого века, во время пребывания на территории монастыря колонии малолетних преступников, древние памятники и надгробья были разбиты. Чудом во время восстановительных работ нашли останки памятника купцу Михаилу Атлашкину. Именно благодаря ему была возведена в своё время величественная колокольня, над Святыми вратами которой устроена церковь в честь Архистратига Божия Архангела Михаила.

А вот теперь, когда близится 350-летие принесения списка иконы Грузинской Божьей Матери в Раифу (4 сентября), они закончили новое панно. Во время работы художницы жили как раз здесь, в гостинице монастыря, соблюдали пост, ходили на службы — и работали.

— Пост и молитва при создании иконы необходимы, — продолжает наместник, — ведь это не просто картины, это окно в другой мир. Состояние иконописца очень сильно влияет на работу. Древние иконописцы держали пост, усиленно молились, поэтому их произведения такие одухотворенные.

Руководитель проекта — Анна Солнечная.

— И панно получилось солнечным, тёплым, — улыбается отец Гавриил.

Художницы долго выбирали место, но остановились именно на берегу озера: работа из натуральных материалов должна перекликаться с природой, стать её частью. Кстати, камень — удивительно благодатный материал, его не нужно красить, он практически не выцветает.

Попрощавшись с отцом Гавриилом, который уделил нам немало времени (это при его-то занятости, которая прорывалась и телефонными звонками, и подбегавшими к нему с вопросами насельниками монастыря), мы ещё немножко прогулялись по берегу озера. Я плавила от благодарности к владыке, потрясённая незаслуженностью и нереальностью происходящего. Обнимала Татьяну Васильевну, повторяя бесконечное спасибо. И не верила, что всё это происходит со мной.

Проводив владыку с Татьяной Васильевной до автостоянки, я вернулась в дом паломника, поднялась в свой номер на втором этаже. Вид на озеро — не оторваться. Смотрела бы и смотрела на сияющую под солнцем водную гладь: в ней и небо с лёгкими облаками, и перевёрнутый лес, плотной стеной стоящий на противоположном берегу. Всё это чуть-чуть подрагивает от лёгкого ветерка. Благодать.

Оторвалась от окна. Отправилась к Чудотворной. Храм, ей посвящённый, стоит рядом с Троицким, он тоже белокаменный, но более строгий. Купол синий, огромный.

Икона, к которой так стремилась моя душа, по-прежнему сияла тёмным серебром оклада и золотом украшений поверх него в солнечном свете, падавшем из бокового окна. Удивительно, что рядом — никого. И теперь можно было... Можно было упасть на ступени, к ней ведущие, и расска-

Итак, мыслилось: приехать через год или чуть раньше, летом. Но... Как не верить? Как не верить в чудо, дарованное нам Господом и Пресвятой Богородицей? Мы оказались здесь уже через полтора месяца.

Мне и сейчас в это верится с трудом...

Собрались как-то сразу, как только закончился у Леры тридцатидневный курс химио-лучевой терапии. Чувствовала она себя, прямо скажем, не очень хорошо. Но была полна решимости ехать. Понадеялись на помощь Пресвятой Богородицы, и она нас не оставила.

И так всё складно с билетами получилось. Как будто нас ждали в поезде эти несколько мест: и туда, и оттуда. С нами поехала моя очень близкая подруга Оля. Она живёт в Озёрах, недалеко от Коломны. И не так уж, надо сказать, близко от Рязани, но это не мешает нашей дружбе, начавшейся тридцать с лишним лет назад на далёком Кольском полуострове, где служили наши мужья, офицеры-подводники. Оля — близкий по духу человек. А с другим, просто туристом, и не отправишься в паломническую поездку! Только с тем, кто обрёл в душе Бога или пытается это сделать.

В Казани повезло с таксистом. Он взялся отвезти нас в Раифу, но сразу же уговорил заехать в Казани в Богородицкий монастырь, к иконе Казанской Божьей Матери.

— А как же иначе? — удивился.

И, конечно, был прав.

Помолились Казанской. Лерочка долго стояла у неё. Видно было: разговаривает.

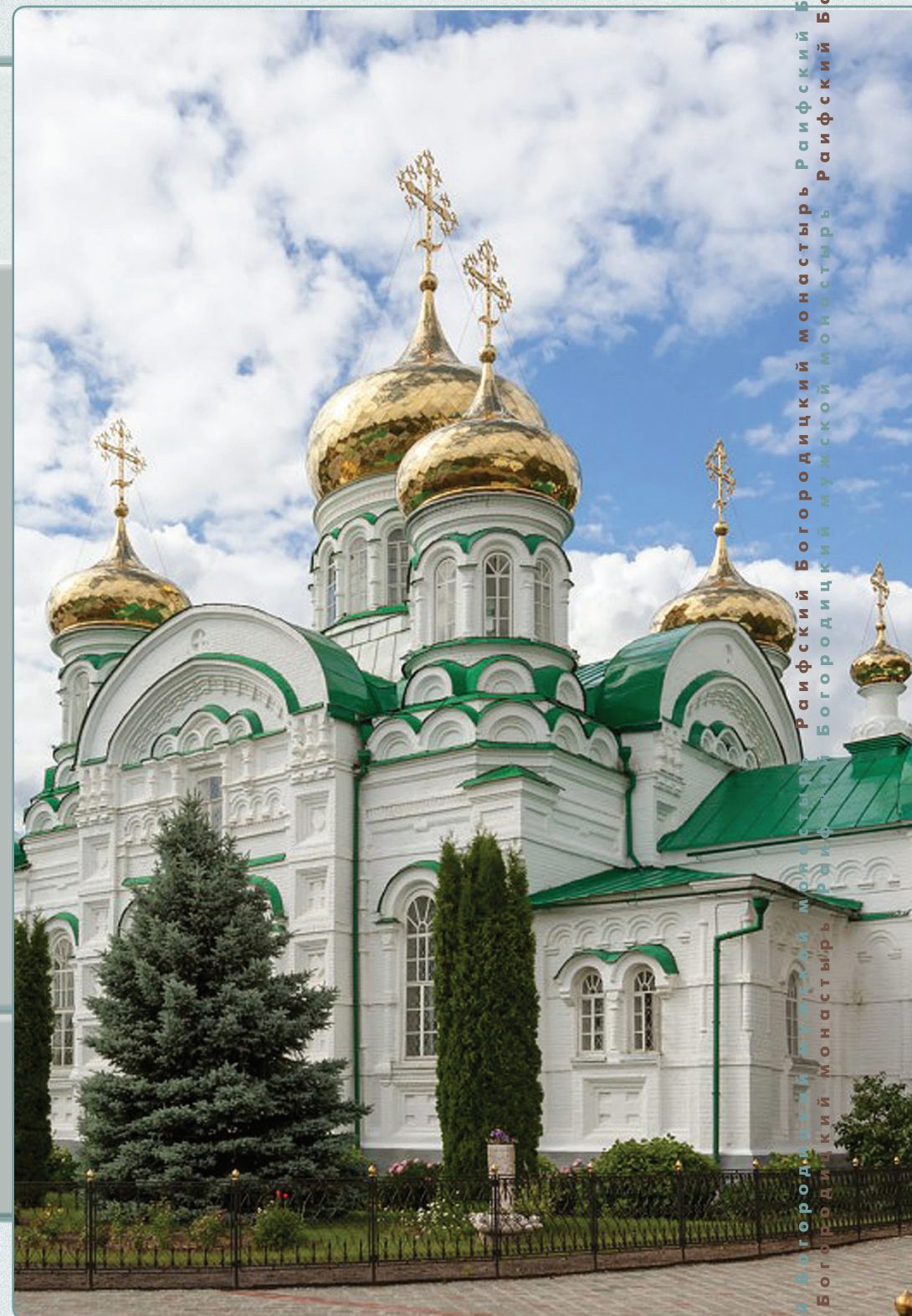
Моё сердце плакало и пело.

Деточка моя. Худющая, в длинной юбке. С рюкзачком за спиной. И не очень понималось, что ей тридцать шесть, что у неё двое деток. Маленькая моя, любимая моя, кровиночка моя.

В Раифе устроились замечательно. Оля — одна. Мы с Лерой — рядом, в двухместном номере. Красиво, удобно, комфортно. И понятно, что не ради этого приехали, а всё равно радостно. Отдохнули полчаса и отправились в монастырь, до которого от дома паломника рукой подать.

И уже перед гостиницей — сплошное благолепие. Сквер напротив — с деревьями, цветами, белыми скульптурами —

Троицкий собор Раифской обители

О, Всемилостивая Владычице, Дево Богородице, не лиши нас и ныне Твоего покрова, но молитвами Твоими присно страну нашу и люди в мире сохраняй и восстановлению Раифской обители способствуй. Яко Мати Святая Пресвятого Бога, Владычице, Марие Богородице, со всеми святыми Сего моли покоити в небесных селениях души раб Твоих, новых мучеников и исповедников Раифских...».

Про новомучеников я запомнила и из рассказа отца Гавриила, и из прочитанного ещё во время первой поездки сюда.

Это случилось 27 января 1930 года. Накануне престольного праздника в храме Преподобных отцев в Синае и Раифе избиенных семеро иеромонахов начали совершать всенощное бдение. А надо сказать, что ещё в 1928 году власти окончательно запретили богослужения в монастыре. Несмотря на это, скрывавшиеся в окрестных сёлах монахи изредка тайно пробирались в монастырь помолиться.

Итак, 27 января собрались в Раифе монахи из окрестных сёл, приехали иноки и монахини из позакрывавшихся монастырей Казани и Свяжска. Аресты были произведены уже утром, после литургии, на которую остались все приехавшие. Арестованных отвезли в Казань. Начались допросы, физические и моральные издевательства. 20 февраля состоялся суд, приговоривший к расстрелу пятерых иеромонахов, одного послушника и двоих крестьян. Они были расстреляны через сорок пять дней, в день праздника Благовещения Пресвятой Богородицы — седьмого апреля. Место их погребения осталось неизвестным.

Эта гибель за веру христианскую созвучна той смерти, которую почти шестнадцать веков назад приняли на далёком Синайском полуострове монахи-христиане, память о которых хранит и по сей день этот монастырь на российской земле под столицей Татарстана.

Пока всё это проносится в моей голове, подходит Лерина очередь. Вот доченька моя у иконы. Помоги, Пресвятая Богородица! Исцели её от страшной болезни...

Снова ничего не вижу от слёз. И когда подхожу к иконе, ничего не говорю. Всё сказала уже. Просто целую нижний край Чудотворной и вглядываюсь в тёмные лики. Ты всё знаешь про нас, миленькая. И ты, малыш, хоть и маленький пока, тоже всё знаешь.

фото Георгия Розова

Раифский Богородицкий монастырь

Когда спускаюсь со ступенек, уступая место другим, понимаю, что хочу быть здесь долго-долго. И не просить, и не разговаривать, а просто быть рядом — во внутреннем молчании размягчённого сознания, когда всё внешнее теряет значение и смысл, когда маленький комочек твоей души оказывается согретым беспредельной любовью — любовью Богородицы, отстрадавшей за всех матерей два с лишним тысячелетия назад, и Её Сына, претерпевшего крестные муки за все прошлые и будущие грехи несовершенного мира.

Мы гуляем втроём по монастырю. И Оля снова не сдерживает восхищений-восторгов. Она даже, мне кажется, забыла про свои больные ноги. В её шагах появились лёгкость и даже некоторая быстрость. Я говорю ей про «быстрость» — смеётся. И снова, и снова всплскивает руками: ну как же красиво!

Вечерняя служба начинается рано: в 15.30. И вот мы уже в Троицком храме. На клиросе поют... хочется сказать «божественно», а наверное, так нельзя? Три мужских голоса звучат настолько красиво и слаженно, что, ничего в этом непонимающая, умеющая судить любую музыку только на самом примитивном уровне, я чувствую: безупречно.

Наутро мы причастились, отстояли молебен перед Чудотворной. А потом поехали в Волжск, к Татьяне Васильевне и владыке Феофану. Получив его благословение, отправились в Казань, на поезд.

А вскоре после поездки в Раифу случилось с моей Лерой вот какое чудо. Стала она по карте искать храм поближе к дому (они живут в районе метро «Академическая»). Увидела. Как называется, не вникла. Отправилась.

Вы не поверите, там оказалась икона Божьей Матери «Грузинская»! Много ли в огромной Москве храмов, где есть эта икона?

Лера позвонила, потрясённая. Рассказала: стоит в Черёмушках, между многоэтажками, маленький бревенчатый храм, очень уютный. «Всё такое сказочное, ты просто не представляешь!» — рассказывала моя обычно сдержанная и немногословная дочь.

Стоит ли говорить, что она теперь прихожанка именно этого храма? Причащаясь каждые две недели, сразу после причастия Лера звонит мне. И сначала я слышу перезвон колоколов: она специально даёт мне подольше послушать, зная, как много для меня значит этот благовест.

Мой пост в соцсетях

14 ноября 2018 года

Почему 14 ноября? Просто так получилось, что в этот день Лера разместила фотографию, где на фоне Сергиево-Посадских куполов — вся е семья. Это они ездили на экскурсию на два дня. После операции не прошло еще четырех месяцев. И все происходящее: поездка, это фото, их улыбающиеся лица — нечто нереальное, во что и поверить-то невозможно, зная диагноз... Под фотографией — множество комментариев. Я бы сказала: ликующих. Вот, собственно...

И я отвечаю:

Дорогие мои друзья, спасибо вам всем за поддержку! Она очень и очень нужна. После того как Лере после операции (почти 4 месяца назад это было) прогнозировали левостороннюю парализацию, а она уже к вечеру общалась по телефону, а на другой день встала, — я знала, кого благодарить. И благодарил бесконечно милостивого Господа нашего. Благодарил нейрохирурга московской Воынской клиники Мушега Агоевича Степаняна (дай Бог здоровья ему и всем его родным). Благодарил Епископа Волжского и Сернурского Феофана (нашего духовного отца). Благодарил чудотворную икону «Нечаянная радость» (она находится у нас в Рязани, в Спасо-Преображенском монастыре). Благодарил и благодарю чудотворную икону Божьей матери «Грузинская» (Раифский монастырь под Казанью — удивительное, благословенное место, где нам удалось побывать вместе с Лерой в сентябре).

И, конечно, низкий поклон всем вам, дорогие друзья, кто молился и молится за р.Б. Валерию. И тем, кто посылает ей свою добрую энергию. Кто лечит е сейчас. Кто оказал и оказывает материальную поддержку. Здоровья, добра, защиты и помощи Божьей!

Вчера была в Москве. Лера умница. Физических сил немного, а духовных и душевных — достаточно, чтобы поделиться

со многими здоровыми людьми. Необыкновенный молодец мой зять Светозар. Его любовь, забота, его правильный настрой... Уважаю. Восхищаюсь. Люблю. Он прекрасный муж и отец. Дети умнеют-взрастают, становятся все более самостоятельными.

Запись из дневника

21 января 2019 года

Вечер. Я иду в нашу церковь. Близко, через дорогу — церковь Сретения Господня, маленькая, деревянная, но рядом уже стремится ввысь новый храм, красно-бежевого кирпича, основательный, но при этом затейливо-изысканный по архитектуре, что хорошо просматривается, ибо возведен уже третий ярус.

Я не спешу: не планировала попасть на вечернюю службу (была вчера), просто захотелось зайти попозже, когда храм еще открыт, а уже никого, кроме служительницы, нет. Люблю это время...

Заметила, что, когда никуда не тороплюсь, часто повторяю про себя вот эти строчки:

Так хочется жить не спеша,
Чтоб вырастить добрыми внуков,
Чтоб им отдавала душа
Гармонию красок и звуков.
Оставить им песню и сад,
Последнюю в жизни страницу
Успеть в тишине дописать
И Богу светло поклониться...

Это наш рязанский поэт написал — Владимир Леонидович Белов. Спасибо ему. «Так хочется жить не спеша, чтоб вырастить добрыми внуков...» Я это уже много лет повторяю. С тех пор, как появились у нас Влад с Димой.

Вчера, 20 января, я благодарилась здесь в храме, и не в храме — тоже (просто весь день, почти без остановки, благодарилась), Господа и Пресвятую Богородицу за те полгода, горькие, но как ни странно, счастливые, которые прошли с момента операции Леры. И просила дать ей еще много лет, чтобы вырастить наших мальчиков, которым она так нужна.

В храме побыла ровно столько, сколько хотела. Служительница Наташа не торопила, тем более, что вслед за мной зашел молодой человек, а потом — девушка... Они довольно быстро ушли, а я все никак не могла оторваться от «Всецарицы» и «Луки Крымского».

Вышла на улицу. Из-за домов выплыла раскрасавица-луна — дородная, довольная, нарядная. Ликующее сияние ее было ослепительно. Говорят, полнолуние на многих действует не очень хорошо. Но меня радует. Радует душу, которая по-прежнему (нет, больше прежнего!) откликается на красоту Божьего мира. И хочется, как владыка Феофан, по-детски наивно и восторженно удивляться: «Как же Господь все устроил!» И верится, так верится, что Он все устроит к лучшему. Просто не все и не всегда понимают, что есть лучшее. И порою только испытания дают это знание. Лучшее — это быть с Богом. Лучшее — это все, что служит спасению наших плутающих в потемках души. Плутающих до тех пор, пока не прилепят к Господу, пока не заживут истинной жизнью под Его защитой, с Его беспредельной любовью к нам, грешным.

Мой пост в соцсетях

20 июля 2019 года

Сегодня исполнился ровно год с момента, когда в Вольнской клинике в Москве моей дочери Валерии (36 лет) была проведена сложнейшая нейрохирургическая операция (диагноз — глиобластома).

За этот год мы получили столько внимания, добра, любви, что это просто не помещается в сознании — зато, видимо, помещается в сердце каждого из нас, кто молится общими молитвами и живет вместе с нами надеждой. Наша семья как будто выросла во много-много раз. И в ней — много друзей, давних и недавних, хорошо знакомых и совсем незнакомых, но ДРУЗЕЙ, близких людей, искренних, добрых, настоящих, ставших родными... Ну все, начинаю плакать.... Спасибо вам, дорогие наши! Храни Господь вас и ваших близких, даруй здоровья и благодати!

ТРЕТЬЯ ПОЕЗКА В РАИФУ

7–8 СЕНТЯБРЯ 2019 ГОДА

Приближался сентябрь. Прошёл почти год, как мы с Лерой и Олей побывали в Раифе.

Лерино лечение всё это время не прекращалось. Было повсякому. Но она держалась. И мы держались. С Божьей помощью. Не оставляли молитв. Постоянно бывали в храме. И всё это время не забывалась Раифа. Было ясно, что нужно ехать. Всё решилось, как это чаще всего бывает, в один день. Вася взял билеты по интернету, и на следующий день, 7 сентября, я уже была в Москве, у своих. Погрелась полднёчка у их семейного очага, пообнимала Леру и детей (хотя Влад с Димой уехали от нас совсем недавно, я успела о них соскучиться), а вечером — поезд «Москва — Казань».

О, как рвалась и летела душа моя в Раифу! Как гладок был путь, без сучка без задоринки. Вёл Господь грешную, жалел непутёвую. И была остановка на этом пути — благословенная, светом наполненная. Владыка Феофан!

Не доезжая до Казани, вышла утром на станции Зелёный Дол. На такси — в Волжск. Сначала — в Никольский храм. Владыка служил. Увидел меня, чуть заметно улыбнулся.

Потом чаепитие в их с Татьяной Васильевной гостеприимном доме. Исповедь.

А к вечеру я уже была в Раифе. Какой же родной она мне показалась... И как я, оказывается, скучала по ней... Дом паломника теперь уж и не гостиницей мыслился, а домом родственников, где тебя ждут. Его хозяйка Нина — сама доброта и приветливость. Всё время хлопочет, чтобы каждому здесь было тепло и уютно. Конечно, сразу отправилась к Матушке-Богородице. Свои у нас с Ней отношения. Не расскажешь...

Из нового в Раифе — потрясающий музей, устроенный в одной из трёх сохранившихся монастырских башен — юго-восточной.

Экспозиция первого зала (чтобы туда попасть, нужно немного спуститься по ступенькам вниз) посвящена основанию монастыря и его истории до начала 18 века. В центре — макет монастыря в том виде, который он имел в середине

19 века. Это такая чудесная работа! Светятся сказочные монастырские окошки, особенно нарядно выглядит собор иконы Грузинской Божьей матери, а Троицкий храм — еще старый, однокупольный.

Рассматриваю и ловлю себя на мысли: вот бы Влад с Димой сейчас восхищались, думали, как же это всё можно сделать.

В этом удивительном зале «работают» и пол, и потолок, и стены. На полу — карта Раифы и окрестностей. И опять: детей отсюда будет просто не увести! А на стене — соединились Синайский полуостров и Раифа. На потолке демонстрируется фильм, посвященный истории монастыря.

Окна башни превращены в витрины, и между экспонатами, расположенными в этих витринах, и событиями фильма, есть связь. Когда в фильме, например, идёт речь о Грузинской иконе Богородицы, луч света точно падает на ту самую витрину, где выставлена ее копия. Потрясающе!

Продолжение осмотра — на втором этаже. Надо выйти из первого зала на улицу и подняться по внешней лестнице.

Второй зал (этаж) посвящен золотому времени обители — XVIII и XIX векам. Третий этаж (на него уже поднимаешься по внутренней винтовой лестнице) посвящён трагическим годам гонения. Кстати, атмосфера безбожия подчеркнута здесь отсутствием окон.

И, наконец, четвертый уровень музея посвящен возрождению монастыря и главному строителю обители в ее новейший период — архимандриту Всеволоду, отошедшему ко Господу в августе 2016 года. Сделать музей Раифской обители было его давним желанием, которое он не успел воплотить. Я помню, как об этом рассказывал отец Гавриил в прошлом году. И сейчас понимаю, сколько сил и стараний приложил теперешний настоятель для осуществления этой мечты.

И апофеоз — смотровая площадка! Вот она — благословенная Раифа! Во всей своей красе, со всех сторон. Высота птичьего полёта. И неизмеримая высота человеческого духа, сумевшего среди языческих племён создать островок православия, выросшего в его мощный оплот, дивно и мощно воссиявшего в веках.

После музея я хожу потрясённо-вдохновлённая и мечтаю, как мы приедем сюда все: Вася, Лера, Светозар, я и наши замечательные внуки. Теперь это самое большое моё желание. После главного, конечно.

ЧЕТВЕРТАЯ ПОЕЗКА В РАИФУ

27–29 СЕНТЯБРЯ 2020 ГОДА

Поехать всем вместе в Раифу пока не удаётся, и я поехала одна. Поездка в поезде «Москва — Казань» далась мне тяжело, потому что сердце через раз буквально останавливалось: «Лера, деточка моя...».

Дело в том, что до поезда, который уходит с Казанского вокзала в одиннадцать вечера, я, конечно, побывала у своих. И вроде не так давно видела Леру (они со Светозаром приезжали в Рязань в конце августа за детьми), а вот показалось, что как-то она сдала. Похудела ещё больше, хотя больше уже и некуда. Как свечечка. В чём душа держится, а бодрится, заботится обо всех.

Мы с ней погуляли в парке, поболтали обо всём на свете, и всё было будто бы неплохо. Настроение у неё было нормальное, никакого спада не наблюдалось. Но мне постоянно казалось, что она держится из последних сил, старается для меня.

Вечером Светозар проводил меня до метро (дальше — ни в коем случае; мне спокойнее, когда вся их семья на месте). А у меня никаких проблем: метро, вокзал, поезд.

Так вот, как только села в вагон метро, так и расклеилась. Слёзы текли, не останавливаясь, под матерчатую маску, которую мне подарила Лена, однокурсница-рукодельница. Маска промокла насквозь, несмотря на свою плотную двухслойность. В какой-то момент я подняла глаза: сидящая напротив ухоженная, симпатичная женщина, моих приблизительно лет, тоже в маске (вот такие настали времена), видимо, ждала моего взгляда. Она сочувственно покачала головой и подняла вверх сжатый кулак: «Держись, дорогая! No pasaran!» Я благодарно закивала в ответ, сложив молитвенно руки: «Спасибо, голубушка!» И продолжила плакать теперь оттого, что вокруг так много хороших людей. Хотя только она одна и сидела напротив.

Но всё равно я знала: много таких, как она. Мне всегда попадаются хорошие люди. Как не плакать от благодарности и любви?

В купе была только одна попутчица, молодая, улыбчивая, проворная. Мы перекинулись парой фраз, а потом она ловко забралась на верхнюю полку и «ушла» в телефон. Так что мы с ней, как мне показалось, друг другу не мешали.

Позвонила однокурсница-подруга Таня. Она близкий человек, мои внуки бывают у неё в гостях в деревне, очень её любят, как и она их. Не смогла потихоньку не рассказать ей про Леру. Таня подбадривала меня. И плакала вместе со мной.

Спать не хотелось. В висках стучало: «Лера, деточка моя». Спасала Иисусова молитва. Лера говорит, что она тоже ей всегда помогает. Это я перед операцией ей внушала: тебя повезут в операционную, а ты всё время, без остановки, повторяй: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную».

На молитве дотянула до рассвета. Вышла из купе постоять у окна. Очень ждала я солнца. Казалось, что именно с ним станет легче.

Так и случилось. Я увидела, как из-за косогоров показался сначала тонкий огненный краешек, который стал расти на глазах. И вот уже видна пылающая жаром целая половина шара, правда, она тут же заслоняется появившимися на горизонте зубчиками лесов. Эх, жалко, думаю я, но недолго грущу — вот оно целое, огромное солнце выкатилось над лесом. И властвует. Стало хорошо и спокойно. Солнце подарило надежду. Оно быстро согрело стынущее всю ночь сердце. И теперь под стук колёс так явно слышалось: ничего, ничего, ничего... Справимся, с Божьей помощью.

Вышла на станции Зелёный Дол. Таксист попался прямо у вагона, или это я ему попала. До Волжска добралась быстро, за полчаса, не больше. У Никольского храма было множество машин. Воздвиженье Креста Господня. Большой праздник. Прямо с дорожной сумкой вошла в храм, купила свечи, прошла (народу немало, но все в масках) к главной иконе — Святителя Николая.

А потом — счастье общения с Татьяной Васильевной и владыкой Феофаном. Окрепшая надежда, и силы, и радость.

Владыка, как всегда, исповедовал меня. Уезжала от них успокоенная, даже воодушевлённая. Всё будет хорошо!

И снова за окном у меня — Райфское озеро. И снова благодать переполняет сердце.

После вечерней службы удалось поговорить с отцом Гавриилом, передать ему поклон от владыки Феофана и от себя — вручить маленькую иконку Василия Рязанского.

Утром — причастие. Молебен перед Чудотворной...

Можно бесконечно повторять слова акафиста:

*Радуйся, печаль нашу в радость претворяющая;
Радуйся, от слез и скорбей нас избавляющая;
Радуйся, скорбных о чадех родителей утешение;
Радуйся, чад их благодатное охранение и спасение;
Радуйся, покрове нам в животе и по смерти;
Радуйся, спасение наше на праведном суде Божиим;
Радуйся, Невесто Невестная.*

И люди повстречались в этот приезд особенные. Точнее, видела их и раньше. А вот осмелилась подойти и поговорить только теперь.

Послушник Александр, трудник Анатолий... И матушка Анастасия! Её участливый взгляд запомнился ещё в первое моё причастие в Райфе. Она легонько, ненавязчиво подбадривала стоящих к исповеди. Почему-то сразу, даже мне, было видно тех, кто переживает и очень боится. Впервые! И матушка с добрыми и умными глазами подходила, что-то на ушко шептала, по руке гладила... Подруга моя Оля во второй мой и первый коллективный наш приезд (с ней и с Лерой) запомнила её очень. И всё время потом сокрушалась: что же мы не узнали, как матушку зовут? Когда я была в монастыре прошлой осенью (вечер и утро — всё моё пребывание, увы), видела матушку, но издалека, не успела подойти, хотя очень хотелось. И вот только теперь...

О, каким лёгким и благодатным оказалось общение! В ответ на мои расспросы матушка Анастасия кое-что рассказала про себя, только велела про то не писать (может, уговорю ещё!). Выслушала про Леру. Про то, что после операции прошло два года, два месяца и восемь дней. Обещала молиться. Покачала головой:

— Зачем же ты дни считаешь? Не надо, не считай.

А какую экскурсию она провела для меня и моих соседок по номеру в доме паломника! Соседки тоже удивительные. Светлана и Раиса. Издалека приехали: с Урала. Вечером познакомились, накануне отъезда. Столько доброты, заботливости! Мне кажется, всех паломников отличают особое добросердечие и безграничная участливость. Оттого, наверное, что не поглядеть, любопытства ради, на красоту приезжают — а поклониться святым местам, возрасти хоть сколько-нибудь духовно, на шагочек приблизиться к Господу, забывая в таких местах про всё суетное, обыденное, поверхностное...

Вот ведёт нас матушка к храму Грузинской иконы Божьей Матери, говорит быстро, знает, что времени — кот наплакал, а всё равно успеваешь рассказать важное, до сердца достающее.

Например, про то, как после полного закрытия монастыря в 1930 году большевики снимали со звонницы самый большой колокол. Был он велик, весил около 500 пудов, и, падая, ушел в землю полностью. Долго гудела земля. Скорбела. Рыдали и никак не расходились собравшиеся, как их ни разгоняли... Не замолчал ещё колокол под землёй, а уже начали жечь костры из того, что ещё не разграбили к тому времени. Пылали иконы, книги, облачение священников...

— Вот так! — заканчивает свой рассказ матушка Анастасия.

И тут же спрашивает:

— А про лягушек-то знаете?

Я киваю головой: да, конечно. Светлана и Раиса дружно тянут: не-е-т! Матушка улыбается:

— Сейчас, быстренько... Ну так вот. Однажды райфские монахи попросили Господа избавить их от кваканья лягушек: мешают молиться. И лягушки замолчали. Навсегда! И молчат по сей день, хотя у нас их тут полным-полно! Ставили эксперименты. Привозили сюда чужих лягушек, нормально квакающих. Так они сразу замолкали. Увозили наших, молчаливых. Говорят, уже в километре от монастыря они начинали квакать.

Заканчивая экскурсию, матушка крестит нас: «Храни вас Господь, девчонки!». «Девчонки» (плюс-минус шестьдесят) счастливы.

Возвращение домой было лёгким. Ангела-хранителя в дорогу пожелали и владыка Феофан, и матушка Анастасия, и Светлана с Раисой... Вот и обернулась обратная дорога сплошной радо-

стью, без оговорок. И автобус на Казань ждать пришлось недолго. И в Казани до поезда не утомилась, время быстро пролетело. И с попутчицей симпатичной и улыбочивой вдвоём в купе оказались: удобно и привольно. Спалось хорошо. А до этого ещё и умудрилась кое-что записать при свете луны: такой она была яркой и не отставала от нашего поезда ни на шаг. Что писала? А вот:

«Люди добрые, как же благодарна вам вся наша семья за участие, поддержку, молитвы! Ни разу не пожалели мы о том, что доверились вам. Вы откликнулись добром и теплом. И стала наша Лера для незнакомых людей Лерочкой, о которой заботятся, переживают, комментируют фотографии, восхищаясь е мужеством и силой воли, говоря о том, что е пример дат в болезнях и отчаянии надежду тем, кто готов был е потерять. Сколько сообщений о молитвах — в разных концах России и не только... Вот там мы и проживаем каждый день: в любви и заботе слышащего Господа, в поддержке сотен добрых и отзывчивых людей, знакомых и незнакомых».

А ещё писала, конечно, про благословенную Райфу. Про то, какую нескончаемую духовную радость приносит она страждущим, как залечивает душевные раны, как даёт надежду, как укрепляет веру. И сколько дарит любви к Господу и миру, Им сотворённому...

Поезд прибывал в Москву в начале седьмого. Проснулась, когда начало светать. Вышла из купе, замерла у окна: «всё в тающей дымке: холмы, перелески...». Туман высвобождал, отвоёвывал их потихоньку у темноты.

Люблю стоять у окна в поезде. Всё быстро проплывает мимо тебя. И ты плывёшь вперёд, ничего не ждёшь. Просто плывёшь — и всё. Правда, в этот раз я очень ждала солнца. Но поднимающегося из-за косоголов, как три дня назад, увидеть его не удалось: теперь-то мы двигались на запад, и солнце, скорее всего, следовало за хвостом поезда: не ухватить. Но душа радовалась не меньше: светлели, отливая розовым, синие бока облаков; просветы между ними окрашивались молочным, и весь мир прояснялся в перламутровом сиянии утра. Зарождался новый день. И слышались под стук колёс слова матушки Анастасии: «А ты дни-то не считай, не считай, не считай». Не буду, матушка, не буду, не буду! Слава Богу за всё!

ежегодное православное издание

**Сборник представляет интерес
для широкого круга читателей**

Формат 170х240
Бумага
офсет и мелованная 90 г/м

Печать офсетная
Тираж 1000 экз.

**Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии ООО «Вертола»:
г. Йошкар-Ола, ул. Толстого, 45**

Заказ №
от 30.12.2020

© Раифский Богородицкий мужской монастырь.

Все права защищены.

Копирование, тиражирование и использование в любой форме посредством любых систем воспроизведения содержания Альманаха без письменного разрешения редакции не допускается.
